ЭРИДА

начало истории

Эдуард

Эдуард Григорьянц

Эрида

«Автор»
2026

Григорьянц Э.

Эрида / Э. Григорьянц — «Автор», 2026

Когда Совет Старейшин отказывает наследному принцу Северину в праве занять трон, никто не подозревает, что это решение расколет целый мир. Уверенный в том, что старый порядок прогнил, Северин бросает вызов системе. Но его жажда перемен оборачивается рождением тирании: он начинает забирать магию у других, превращая союзников в орудия, а целые города — в руины.Спустя двадцать лет в Эриде царит железная власть завоевателя. Дочь короля Силаса, Диана, всю жизнь скрывалась от его ищеек, но теперь её тайна раскрыта. Ей предстоит возглавить последнее сопротивление, объединить разрозненные королевства и бросить вызов тому, кого когда-то считали спасителем.Однако в водоворот этой войны против воли попадает Даниил — обычный человек из Москвы, чья жизнь давно превратилась в рутину. Портал переносит его в мир двух солнц и магии, где внутри него пробуждается невероятная сила: огонь, телепортация и древний зверь, способный как защитить, так и разрушить всё вокруг.

© Григорьянц Э., 2026
© Автор, 2026

Эдуард Григорьянц
Эрида

ЭРИДА Часть 1
Начало Истории

Глава 1 Цена спасения

Северин стоял перед Советом, когда один из Старейшин объявил об отказе.

Голос Старейшины — сухой, как пергамент, — ещё звенел под сводами зала, когда Северин сделал шаг вперёд. Он не сжал кулаки. Не повысил голос. Он просто посмотрел на семерых, сидевших за длинным столом из чёрного дерева.

— Вы даже не дали мне закончить, — сказал он.

Отец, стоявший чуть позади, едва заметно напрягся. Северин знал этот жест. Отец всегда так делал, когда понимал: сейчас его сын скажет то, что нельзя будет взять обратно.

— Мы выслушали твои предложения, — ответил Старейшина целителей. — И решили, что не можем одобрить твою кандидатуру.

— Потому что я не справлюсь? — Северин обвёл взглядом лица. — Или потому, что не уверены, что смогут вами управлять?

Тишина. Старейшина не ответил, но его пальцы, лежавшие на подлокнужнике кресла, дрогнули.

В Эриде король не мог занять престол без единогласного согласия Совета. Семеро Старейшин представляли разные школы магии и следили за тем, чтобы сила не обратилась оружием против всего мира. Это правило пережило войны и смену династий. И теперь впервые стало преградой для Северина.

— Я хочу изменить законы, которые давно перестали служить людям, — продолжил он, и в его голосе впервые прозвучала не обида, а холодная настойчивость. — Дать магам из небогатых семей возможность учиться. Перестать прятать знания только потому, что они неудобны тем, кто сидит в этом зале. Разве это преступление?

— Нет, — раздался голос от входа.

Все повернулись. Эсмира, прорицательница, стояла в дверях. Она редко приходила на заседания без предупреждения, а ещё реже вмешивалась в дела королей. Её седые волосы были собраны на затылке, а глаза смотрели так, словно видели не лица, а тени за ними.

— Но не всякая перемена ведёт туда, куда ты надеешься, — закончила она.

Северин встретил её взгляд.

— Что вы увидели?

— Не всё, что я вижу, следует произносить вслух.

— Удобный ответ.

— А требование ответить на любой вопрос — удобный способ не услышать то, чего ты боишься.

На мгновение Северин словно хотел возразить, но сдержался. Только желваки на скулах дёрнулись. Он знал Эсмиру слишком давно, чтобы спорить с ней на глазах у Совета.

Эсмира не стала ждать. Она прошла вперёд, мимо Северина, и остановилась перед Старейшинами. Её голос, когда она заговорила снова, был тише, но от этого — тяжелее.

— Я пришла не к вам, — сказала она, глядя на Совет. — Я пришла посмотреть на него.

Она повернулась к Северину. В её взгляде не было ни осуждения, ни жалости. Только странная усталость человека, который видел слишком много вариантов будущего и знал, что ни один из них не будет лёгким.

— Ты хочешь спасти Эриду, — произнесла она. — Это похвально. Но спасение, которое ты предлагаешь, может стоить дороже, чем ты готов заплатить.

Северин выдержал её взгляд.

— Я готов заплатить.

— Я знаю, — тихо ответила Эсмира. — Именно это меня и пугает.

Она развернулась и вышла, не дожидаясь ответа. Дверь за ней закрылась с глухим стуком.

В зале повисла тишина. Старейшина целителей кашлянул и отвёл взгляд.

— Мы не можем принять окончательное решение сегодня, — сказал он, и это прозвучало почти жалко. — Нам нужно время, чтобы изучить твои предложения.

Северин понял всё без слов. Он видел, как переглянулись Старейшины. Видел, как один из них — тот, что представлял боевую магию, — едва заметно кивнул в сторону его отца.

Они боялись.

Не его. Не его идей. Они боялись, что, если откажут слишком резко, его отец — герой войны, командующий армией, человек, которого любили солдаты, — воспримет это как оскорбление. Они откладывали решение не из уважения к Северину. Они откладывали его, чтобы выиграть время и найти способ отказать так, чтобы не спровоцировать конфликт.

— Значит, я могу ждать? — спросил Северин, и в его голосе не было ни капли благодарности.

— Да, — ответил Старейшина. — Мы сообщим о решении позже.

Северин не стал ждать. Он развернулся и вышел, не поклонившись.

Во внутреннем дворе было пусто. Только ветер гонял пыль по каменным плитам. Альдарин, сын Старейшины целителей, догнал его у высокого окна, откуда открывался вид на город. Внизу, за стенами дворца, кипела жизнь: торговцы, крестьяне, ученики магических школ. Все они даже не подозревали, что их судьба решается в эти минуты.

— Они хотят разобраться в твоих намерениях, — сказал Альдарин.

— Я объяснил их достаточно ясно.

— Возможно, намерений недостаточно.

Северин резко повернулся к нему.

— Сколько лет нужно ждать, прежде чем позволят исправить то, что давно требует перемен? Я видел, как мальчишка из приграничной деревни потерял дар, потому что его семья не могла заплатить за обучение. Он не стал злодеем. Он просто перестал быть магом. И всё из-за того, что Совет решил: знания — для избранных.

Альдарин знал, что старый порядок несовершенен. Некоторые решения Совета причиняли людям вред, а изменить их было почти невозможно. Но он также понимал, что поспешные решения способны разрушить то, что потом не удастся восстановить.

— Если Совет откажет, что ты сделаешь? — спросил он.

— Пока не знаю. Но я не собираюсь всю жизнь просить разрешения на каждую перемену.

В его голосе не было угрозы. Только уверенность человека, который всё ещё считал, что сумеет найти правильный путь. И это пугало Альдарина сильнее любой угрозы.

Вечером Альдарин рассказал об этом отцу.

— Северин не глуп и не лишён сострадания, — сказал Старейшина, глядя в огонь камина. — Не забывай этого, даже если однажды он поступит так, с чем ты не сможешь согласиться.

— А если он действительно сможет изменить Эриду к лучшему?

— Тогда нам придётся признать, что мы ошибались. Совет тоже способен ошибаться. — Старейшина помолчал. — Но человек, уверенный, что знает, как спасти остальных, однажды может перестать спрашивать, хотят ли они спасения такой ценой.

Альдарин запомнил эти слова.

Пока же семь королевств продолжали жить привычной жизнью, а Совет откладывал решение, которое вскоре изменит их судьбу.

Глава 2 Холод в груди

После заседания Совета прошло несколько месяцев. Имя Северина всё чаще звучало при дворе, хотя окончательного решения о его кандидатуре по-прежнему не было. Одни поддерживали наследника престола, другие считали его слишком самоуверенным. Большинство предпочитало отмалчиваться, пока не станет ясно, к чему склонятся Старейшины.

Сам Совет тем временем занимался делами, которые не могли ждать. На севере начались перебои с поставками зерна, в двух королевствах обострился спор из-за границы, а в лечебных домах стали появляться маги, жаловавшиеся на странную слабость.

Первое сообщение пришло из небольшого поселения неподалёку от северной границы.

Молодой кузнец по имени Эрен потерял способность управлять огнём.

Такое случалось редко, но подобные случаи уже были известны. Магия могла ослабнуть после тяжёлой болезни, сильного истощения или неудачного заклинания. Однако в донесении говорилось, что Эрен был здоров, не участвовал в сражениях и ещё накануне работал как обычно.

Отец Альдарина решил отправиться к нему сам. Альдарин поехал вместе с ним.

Кузница стояла на краю деревни, за жилыми домами и небольшим огородом. Когда они вошли, Эрен сидел у холодного горна, сцепив руки на коленях. Рядом лежал недоделанный клинок — сталь ещё хранила следы молота, но кромка осталась тусклой, незакалённой.

— Я уже пробовал, — сказал он вместо приветствия. — И утром, и ночью. Ничего не выходит.

Отец Альдарина попросил кузнеца показать, что именно происходит. Эрен протянул руки к горну и попытался вызвать огонь. На мгновение воздух над углями дрогнул, словно от невидимого дыхания, но тут же снова застыл, неподвижный и мёртвый.

— Что вы почувствовали в последний раз, когда магия сработала? — спросил целитель.

Эрен задумался.

— Холод. Будто кто-то открыл дверь зимой и впустил ветер. Только холод был не снаружи. Он появился внутри груди.

— Вы заболели?

— Нет. По крайней мере, ничего необычного не замечал.

— Кто-нибудь был рядом?

Кузнец нахмурился, вспоминая.

— За день до этого приходил торговец. Странный такой, хромал на левую ногу. Спрашивал, давно ли я работаю с огнём и всегда ли мог его вызывать. Я решил, что ему нужен кузнец с опытом.

— Вы знали его раньше?

— Нет. И больше не видел.

Отец Альдарина осмотрел горн, стены и порог. Возле двери он заметил несколько тёмных крупинок, похожих на пепел. Они могли остаться после работы, поэтому целитель собрал несколько крупинок, не делая поспешных выводов.

Перед отъездом он ещё раз поговорил с Эреном. Кузнец не просил вернуть ему магию. Его волновало другое.

— Я умею делать клинки, — сказал он, глядя на недоделанную работу. — Всю жизнь умел. Если огонь не вернётся, мне придётся начинать всё сначала. Я даже не знаю, с чего.

Отец Альдарина пообещал разобраться в случившемся.

На обратном пути Альдарин долго молчал, обдумывая услышанное. Наконец он спросил:

— Магия может исчезнуть бесследно?

— Может ослабнуть. Может быть заблокирована. Иногда меняется после травмы, — ответил отец. — Но здесь всё произошло слишком резко.

— Вы думаете, это сделал кто-то другой?

— Я думаю, что мы пока знаем слишком мало, чтобы кого-либо обвинять.

В столице запросили сведения из соседних поселений. Ответы приходили медленно, и поначалу каждый случай рассматривали отдельно. Лишь через несколько недель стало известно о двух похожих происшествиях.

Девушка, обладавшая магией воды и работавшая на мельнице, потеряла способность управлять водой после короткой встречи с незнакомцем. Тот расспрашивал её о силе и возрасте. В другом поселении молодая целительница сначала заметила, что привычные заклинания стали даваться ей с трудом, а затем перестали работать совсем.

Пострадавшие жили далеко друг от друга и не были знакомы. Очевидной связи между ними и Эреном не нашлось.

Но в рассказах повторялись две детали: незнакомцы задавали вопросы об их магии, а перед её исчезновением люди чувствовали необычный холод.

Этого было недостаточно, чтобы утверждать, что происшествия связаны. Однако отец Альдарина составил список всех известных пострадавших и попросил Совет разрешить полноценное расследование.

Разрешение получили. Вместе с ним пришло предупреждение: не распространять слухи и не обвинять никого без доказательств.

Несколько дней спустя, в столице.

Северин сидел в своей комнате, не зажигая свечей. На столе перед ним лежал небольшой камень, тускло мерцавший в темноте. Он осторожно коснулся его пальцами.

По камню пробежала тонкая трещина, и из неё вырвался слабый огонёк — крошечный, дрожащий, словно испуганный.

Северин смотрел на него, не отводя глаз. В его взгляде не было торжества. Только странная смесь надежды и чего-то похожего на вину.

Он вспомнил, как стоял в той кузнице. Как сгорбился, изображая хромого торговца, как прятал лицо под капюшоном. Как задавал Эрену вопросы, которые не имел права задавать. Как почувствовал холод в собственной груди — и как этот холод потянулся к кузнецу, вытягивая из него огонь.

Он не собирался причинять боль. Он хотел только проверить, возможно ли это вообще. И когда получилось, он не почувствовал радости. Только пустоту.

— Прости, — прошептал он, глядя на огонёк. — Но у меня не было выбора.

Огонёк погас. Камень потускнел.

Северин убрал его в ящик стола и запер на ключ. Затем подошёл к окну и долго смотрел на город, погружённый в темноту.

Он не спал этой ночью.

На следующий день Альдарин встретил Северина в библиотеке дворца. Наследник сидел за столом, заваленным книгами и свитками. На нескольких страницах Альдарин заметил записи о магии разума.

— Ты теперь изучаешь разум? — спросил он.

— Нет. Ищу кое-что другое.

Северин отодвинул книгу и посмотрел на него. Под его глазами залегли тёмные круги, которых Альдарин раньше не замечал.

— Ты выглядишь так, будто всю ночь просидел над книгами, — сказал Альдарин.

— Не спалось.

— Что-то случилось?

— Ничего, о чём стоило бы говорить.

Северин ответил слишком быстро. Альдарин почувствовал фальшь, но не стал настаивать. Он слишком хорошо знал Северина, чтобы понять: если тот не хочет говорить, он не скажет.

— Ты помнишь Лиора? — спросил Северин, меняя тему.

Альдарин напрягся. Имя было знакомо. Несколько лет назад маг разума пытался восстановить воспоминания своей сестры после тяжёлой травмы. Он нарушил запрет Совета и втайне продолжил опасные эксперименты.

— Слышал, — ответил Альдарин. — Его метод мог повредить те участки памяти, которые ещё сохранились.

— Потому что Совет запретил ему изучать способ, который мог помочь сестре, — возразил Северин. — Ему сказали, что метод опасен, и на этом разговор закончился.

Альдарин помнил этот случай лучше, чем хотелось бы. Совет не просто отказал Лиору: ему предлагали обратиться к нескольким специалистам. Но никто из них не решился вмешиваться. Память женщины была нестабильной, и любое неосторожное воздействие могло ухудшить её состояние.

Лиор всё равно продолжил работу тайно.

Попытка закончилась удачно. Состояние его сестры стало лучше, а его арестовали и заковали в магические браслеты, которые могли заглушить магию. Позднее Лиор скончался.

— Совет боялся навредить, — сказал Альдарин. — И у него были основания. Лиор не понимал всех последствий своих действий.

— Но он пытался спасти сестру.

— Намерение не делает опасный метод безопасным.

— А запрет не делает бездействие правильным.

Альдарин не нашёл немедленного ответа. В словах Северина была правда, которую нельзя было отвергнуть только потому, что его выводы казались опасными.

— Совет должен был лучше объяснить своё решение, — признал Альдарин. — И предложить помощь, если она была возможна. Но нельзя требовать, чтобы маги испытывали каждый опасный способ на живых людях.

Северин закрыл книгу.

— Я этого и не требую. Я хочу, чтобы ограничения служили людям, а не превращались в удобный способ не замечать их проблемы.

Он говорил без злости. Но Альдарин заметил, как его пальцы, лежавшие на обложке книги, слегка дрожат.

— Ты уверен, что всё в порядке? — спросил он ещё раз.

Северин поднял на него глаза. На мгновение Альдарину показалось, что он хочет что-то сказать. Что-то важное.

Но Северин лишь покачал головой.

— Всё в порядке. Насколько это возможно.

Он улыбнулся, но улыбка вышла усталой.

Альдарин не поверил ему.

Через несколько дней Совет снова собрался, чтобы обсудить кандидатуру Северина. На этот раз наследнику сообщили, что окончательного решения пока не будет. Старейшины хотели внимательнее изучить его предложения о реформе законов, оценить возможные последствия и понять, как он собирается распределять власть между короной и Советом.

Северин выслушал решение спокойно.

— Я согласен подождать, — сказал он. — Но надеюсь, вы действительно рассматриваете мои предложения, а не рассчитываете, что со временем я перестану их выдвигать.

После заседания он ушёл, не пытаясь спорить.

Альдарин смотрел ему вслед и думал о двух вещах, которые пока не складывались в единую картину: о человеке, искренне желавшем изменить Эриду, и о магах, терявших свои способности после встреч с неизвестными.

Тогда эти события казались разными проблемами.

Глава 3 Ученица

Прошёл год с того дня, как Совет отложил решение.

За это время Совет так и не принял окончательного решения по кандидатуре Северина. Старейшины продолжали «изучать» его предложения, а наследник продолжал ждать. Но если раньше он ждал с надеждой, то теперь — с холодным терпением человека, который уже принял решение.

Расследование исчезающей магии тоже не стояло на месте. Число пострадавших росло. Случаи происходили в разных королевствах, порой далеко друг от друга. Большинство пострадавших не были знакомы между собой. Кто-то терял магию за одну ночь, у кого-то она угасала постепенно. Одни вспоминали незнакомцев, задававших странные вопросы, другие не могли назвать ничего необычного.

Отец Альдарина отошёл от этого дела — как Старейшина он был занят другими заботами — и попросил Совет доверить расследование сыну. Совет согласился. Альдарин продолжал собирать сведения, но ответы оставались противоречивыми. Холод, давление в груди, ощущение чужого присутствия — эти признаки встречались достаточно часто, чтобы насторожить целителей, но недостаточно часто, чтобы установить причину.

Именно в эти годы в его жизни появилась Амайя.

Ей было четырнадцать, когда тётя привела её в лечебное крыло дворца. Девочка держалась уверенно, но постоянно оглядывалась, словно пыталась понять, о чём думает каждый из находившихся рядом.

— Она слышит чужие мысли, — объяснила тётя. — Сначала думала, что люди просто говорят слишком тихо. Потом стала отвечать на вопросы, которых никто не задавал. Вчера назвала слова, которые я только собиралась произнести.

— Я не делаю это специально, — добавила Амайя. — Они просто появляются. Иногда сразу несколько. Иногда я не понимаю, кому принадлежат.

Она говорила спокойно, но пальцы нервно теребили край рукава.

Альдарин попросил остальных выйти и остался с девочкой наедине. Её дар оказался сильнее, чем он ожидал от начинающей ученицы магии разума. Амайя не просто улавливала случайные мысли. Иногда она различала воспоминания, намерения и чувства, которые человек старательно скрывал даже от самого себя.

Без обучения такая сила могла стать опасной прежде всего для неё самой. Чужие мысли быстро превращались в непрерывный шум, от которого невозможно было укрыться.

— Я могу помочь тебе, — сказал Альдарин. — Но сначала ты должна понять одну вещь. То, что ты слышишь, не всегда правда. Люди думают одно, говорят другое, а делают третье. Если ты будешь верить каждой мысли, ты сойдёшь с ума.

— А если я услышу что-то важное? — спросила Амайя.

— Тогда тебе придётся решить, имеешь ли ты право вмешиваться.

Амайя нахмурилась.

— Если я могу помочь, почему не имею?

— Потому что способность узнать чужую тайну не означает, что эта тайна принадлежит тебе.

Девочка не выглядела убеждённой, но согласилась учиться.

Первые месяцы давались ей тяжело. Она быстро осваивала упражнения, могла отделить одну мысль от десятков других и постепенно научилась закрывать сознание от случайных вторжений. Однако терпеть неудачи Амайя не умела. Если упражнение не получалось с первого

раза, она повторяла его до изнеможения. Если Альдарин просил остановиться, начинала спорить.

Однажды во время занятия она попыталась проникнуть в его мысли, чтобы заранее узнать, какое упражнение он предложит.

— Это было нечестно, — сказал Альдарин, когда обнаружил попытку.

— Почему? Вы ведь сами учите меня понимать разум.

— Понимать — не то же самое, что вторгаться.

— Но, если человек ничего не скрывает, в чём вред?

Альдарин помолчал. Ему хотелось объяснить всё одним простым правилом, но он знал, что такие правила редко помогают тем, кто действительно пытается понять.

— Представь, что ты знаешь чужую мысль, но не знаешь, почему человек её подумал. Он может бояться, ошибаться, вспоминать прошлое или просто представлять то, чего никогда не сделает. Если ты примешь мысль за намерение, то можешь обвинить невиновного. А если решишь, что понимаешь человека лучше него самого, то перестанешь его слушать.

— Значит, нужно спрашивать?

— По возможности — да.

— А если он откажется отвечать?

— Тогда придётся уважать его отказ.

Амайе явно не нравился этот ответ. Но после разговора она больше не пыталась проникать в мысли Альдарина без разрешения.

Любопытство, впрочем, никуда не исчезло. Девочка хотела знать, как устроена магия, почему одни способности развиваются быстрее других и существуют ли приёмы, которые Совет запрещает не из-за опасности, а потому, что не желает делиться знаниями.

Альдарин старался отвечать честно. Иногда объяснял, что некоторые методы действительно способны повредить разум. Иногда признавал, что не знает ответа. Последнее раздражало Амайю сильнее всего.

— Как можно учить других, если сам не знаешь всего? — спросила она однажды.

— Только так и можно. Если учитель притворяется, что знает всё, ученик однажды повторит его ошибку и не поймёт, что ошибся.

К восемнадцати годам она превратилась в одну из самых одарённых учениц, которых Альдарин когда-либо встречал. Ей удавалось то, на что другим требовались годы. Она научилась различать поверхностные мысли и глубокие воспоминания, распознавать попытки скрыть намерения и защищать разум от внешнего воздействия.

Втайне от Альдарина она научилась брать чужой разум под контроль и создавать иллюзии. Это было очень сильное оружие, но она понимала, что это может не понравиться её учителю, и пыталась не пользоваться своими умениями полностью. Но чем сильнее становился её дар, тем труднее ей было принимать собственные ограничения.

Это особенно ясно проявилось во время одного из дежурств.

К целителям привели мужчину, потерявшего несколько лет воспоминаний после несчастного случая. Он помнил детство, узнавал жену и детей, мог заниматься привычной работой, но целый период жизни исчез из его памяти.

Целители восстановили его физическое здоровье, однако воспоминания не возвращались.

Амайя присутствовала при обследовании и заметила странность: некоторые воспоминания не просто отсутствовали. В тех местах, где они должны были находиться, разум словно обрывался. Не оставалось ни смутных образов, ни эмоциональных следов, которые обычно сохраняются даже после тяжёлой травмы.

Она посмотрела на Альдарина.

— Здесь что-то сделали.

— Или травма повредила память именно так, — ответил он.

— Но я чувствую границу. Словно кто-то вырвал часть воспоминаний.

— Ты чувствуешь повреждение. Причину мы пока не знаем.

После обследования Амайя попросила разрешения продолжить работу. Она считала, что сможет осторожно исследовать повреждённые участки и выяснить, что произошло.

Мужчина отказался.

— Я хочу вернуть память, — сказал он. — Но не хочу, чтобы кто-то снова копался у меня в голове. Я и так не знаю, что со мной сделали.

— Мы не собираемся причинять вам вред, — возразила Амайя. — Если память можно восстановить, мы могли бы попробовать.

— А если нельзя?

— Тогда мы остановимся.

Мужчина покачал головой.

— Вы не можете обещать, что ничего не случится. Вы даже не знаете, что ищете.

Амайя замолчала. Альдарин видел, как сильно ей хотелось продолжить. Она была уверена, что обнаружила нечто важное, и отказ пациента казался ей почти бессмысленным препятствием.

Но в конце концов она отступила.

Когда мужчина ушёл, Амайя долго молчала, а потом спросила:

— А если мы могли ему помочь?

— Возможно, могли.

— И всё равно не стали?

— Он отказался.

— Получается, мы оставили его с тем, что могло быть исправлено.

— Получается, мы не стали решать за него, какой риск он обязан принять.

Амайя сжала губы.

— Мне трудно принять, что знание ничего не стоит, если нельзя им воспользоваться.

— Знание стоит многого, — ответил Альдарин. — Но оно не даёт нам права распоряжаться другими людьми.

Она не согласилась. Альдарин видел это по её лицу. И всё же на следующий день Амайя вернулась к занятиям, не пытаясь оправдать своё недовольство чужой ошибкой.

Но иногда, когда он не видел, она возвращалась к записям о магии разума, которые он запрещал ей читать. И в этих записях всё чаще упоминалось имя Северина.

Прошло четыре года. Амайя выросла... В тот же год Совет наконец принял решение.

Обсуждение затянулось до позднего вечера. Старейшины рассмотрели его предложения о реформе законов, выслушали сторонников и противников наследника, а затем перешли к голосованию.

Решение оказалось единогласным.

Северину отказали.

Совет не сомневался, что он способен управлять королевством. Опасения вызывало другое: наследник не скрывал, что считает действующие ограничения чрезмерными, и не давал ясных гарантий, что, получив корону, согласится подчиняться решениям Старейшин.

Когда Северину сообщили об отказе, он выслушал посланника без возражений. Не повысил голоса, не потребовал повторного голосования и не стал убеждать Совет изменить решение.

Он лишь спросил:

— Они отказали мне потому, что я не справлюсь? Или потому, что не уверены, что смогут мной управлять?

Посланник не ответил.

Северин кивнул, словно молчание подтвердило то, что он уже подозревал.

В тот вечер он не пришёл ни к отцу, ни к Альдарину. Он заперся в библиотеке и долго сидел над раскрытыми книгами.

Амайя тем временем завершила очередное упражнение по защите сознания. Она добилась заметного успеха, но вместо похвалы попросила Альдарина разрешить ей присутствовать при расследовании исчезающей магии.

— Я могу помочь, — сказала она. — Если незнакомцы воздействуют на разум пострадавших, я, возможно, смогу обнаружить след.

Альдарин обдумал просьбу.

— Можешь помогать с показаниями и искать противоречия. Но без разрешения пострадавших не проникай в их сознание.

— Я помню.

— И, если обнаружишь что-то необычное, сначала сообщи мне. Не пытайся разобраться в одиночку.

Амайя согласилась.

Она быстро освоилась с донесениями, сравнивала свидетельства и обращала внимание на детали, которые другие пропускали. Через несколько недель ей удалось заметить закономерность: некоторые свидетели встречали подозрительных незнакомцев, но сами не теряли магию.

— Мы всё время спрашиваем тех, кто пострадал, — сказала она Альдарину, раскладывая записи на столе. — Но, если незнакомец ищет определённый тип магии, он мог разговаривать и с другими людьми.

— И они могли ничего не заметить.

— Или заметить, но не придать значения. Нужно найти тех, кто видел хромого торговца и похожих на него людей, но не потерял способности.

Это была первая конкретная зацепка за долгое время.

Альдарин поручил разослать новые запросы по поселениям. Расследование оставалось трудным, но теперь они хотя бы знали, какие вопросы задавать.

Глава 4 Союзники

После отказа Совета Северин не отказался от перемен. Он лишь перестал обсуждать их с теми, кто мог сказать ему «нет».

Он продолжал встречаться с учёными и магами, но всё реже появлялся при дворе и всё чаще искал людей, готовых работать без одобрения Старейшин. Он по-прежнему говорил о необходимости пересмотреть старые законы, дать магам из небогатых семей равные возможности для обучения и обязать Совет объяснять решения тем, кого они касались.

Некоторые соглашались с ним. Другие считали, что он торопит события. Совет выслушивал его предложения, обещал рассмотреть их и продолжал работать по прежним правилам.

Постепенно Северин перестал просить разрешения.

Перемены первыми заметили служители королевской библиотеки. Наследник всё реже заказывал книги через обычный архив и всё чаще просил отыскать старые рукописи, которых не было в общем каталоге. Часть заметок он забирал с собой, а некоторые исследования поручал учёным, не связанным с Советом.

Однажды библиотекарь показал Альдарину список заказанных Севериным трудов.

— Здесь всё вперемешку, — сказал он, проводя пальцем по строкам. — История магических школ, способы усиления дара, исследования сознания, демонология. Я бы понял, если бы он готовил большой труд. Но он почти ничего не публикует.

— Возможно, он пока не уверен в результатах.

— Тогда почему не обсуждает их с другими?

Альдарин не нашёл ответа. Скрытность сама по себе ещё не доказывала дурных намерений. Совет тоже не спешил делиться знаниями, которые считал опасными. Но между осторожностью и нежеланием отчитываться за собственные действия была существенная разница.

Впервые после отказа Совета Альдарин встретил Северина во внутреннем дворе дворца.

На каменном столе стояла небольшая металлическая чаша, над которой дрожало чёрное пламя. Оно не освещало камни и не отбрасывало привычных теней. Казалось, огонь поглощал свет вокруг себя.

Рядом стоял Аббадон.

Альдарин знал его в лицо. Демонический маг, один из немногих, кто не просто изучал запретные разделы магии, а практиковал их. Совет несколько раз пытался ограничить его исследования, но Аббадон всегда находил способ обойти запреты. Он не был безумцем. В работе он проявлял больше осторожности, чем от него ожидали.

Маг медленно сжал пальцы. Чёрное пламя вытянулось тонкими языками, а затем исчезло. На внутренней поверхности чаши выступил иней.

— Ты удержал его дольше, чем в прошлый раз, — заметил Северин.

— И едва не потерял контроль в конце.

— Но не потерял.

— Это не одно и то же. Если ты хочешь доказать, что демоническую энергию можно удерживать без призыва демона, у тебя пока один удачный опыт и один неудачный.

Северин посмотрел на чашу.

— Значит, нужно понять, что изменилось между ними.

— Именно. А не повторять опыт, пока однажды не останется некому записывать результат.

Северин усмехнулся, но спорить не стал.

Альдарин подошёл ближе. Оба мага заметили его.

— Северин. Давно не виделись. Надеюсь, ты не собираешься проводить это испытание в закрытом помещении, — сказал он.

— Я тоже рад тебя видеть, Альдарин. Пока мы работаем во дворе, — ответил Северин.

— Я спросил не о месте.

Аббадон коротко взглянул на Северина, предоставляя ему самому решать, что говорить.

— Мы изучаем способы удерживать энергию, — объяснил наследник. — Без призыва и без риска для посторонних.

— А риск для вас?

— Мы его оцениваем.

— На основании того, что уже знаете. Проблема в том, что именно этого знания вам и не хватает.

Северин помолчал.

— Поэтому мы и проводим опыты, Альдарин. Ты мне не доверяешь. Я вижу это. И я хочу понять почему. Я отношусь к тебе с большим уважением и считаю тебя моим другом.

— Я тоже считаю тебя другом и уважаю, но мне кажется, что ты не всё мне рассказываешь. Что ты от меня скрываешь?

— Я ничего не скрываю, Альдарин. Мы проводим опыты во дворе. Если бы я хотел что-то скрыть, я бы не приглашал тебя смотреть.

Альдарин хотел возразить, но посмотрел на чашу. Иней уже таял. Он не заметил ни следов повреждения магии, ни признаков присутствия демона.

— Тогда записывайте не только удачные результаты, — сказал он. — Особенно те, которые вам не нравятся.

— Я не выбрасываю неудобные результаты.

— Пока нет.

Альдарин ушёл. В тот день ему показалось, что Северин действительно пытается разобраться в природе магии. Оснований считать, что он ищет способ подчинить её себе, ещё не было. Но его готовность самостоятельно определять допустимый риск уже начинала тревожить.

Позднее Аббадон рассказал Альдарину, как познакомился с Северином. Тот нашёл его после нескольких месяцев изучения старых трудов о демонической магии. Его интересовали не сами демоны, а связь между магом и силой, которой тот управлял.

— Он задавал вопросы, на которые у меня не было ответов, — признался Аббадон. — Может ли магия существовать отдельно от того, кто её вызывает? Можно ли изменить связь между ними? Что произойдёт, если эта связь ослабнет?

— И ты согласился работать с ним, хотя не знал, к чему приведут ответы?

— Я согласился искать ответы. Это не одно и то же.

Аббадон не считал исследование преступлением только потому, что оно касалось опасной силы. Он мог спорить с Северином о способах и рисках, но никогда не сомневался в нём самом. В Северине он видел лидера и был готов защищать его даже тогда, когда понимал, что тот ошибается.

С Рейваном Альдарин познакомился на северной границе, куда приехал вместе с отцом по делу о нескольких случаях внезапной потери магии.

В одном из гарнизонов они застали тренировку. Молодой командир пытался перестроить отряд после учебного нападения, но бойцы путались в командах. Рейван наблюдал за ними, скрестив руки на груди.

— Если бы это было настоящее нападение, твой левый фланг уже обошли бы, — сказал он командиру. — Ты слишком долго держишь людей в одной линии.

— Я следовал утверждённому порядку.

— Порядок не спасает, если противник его знает.

Командир нахмурился, но спорить не стал. Рейван подошёл к бойцам и показал, как изменить построение. В следующий раз отряд среагировал быстрее.

Рейван владел магией молнии. Когда он демонстрировал одному из солдат, как быстро можно вывести из строя противника с металлическим оружием, между его пальцами пробежал короткий разряд. Он не любил зрелищных выступлений и не тратил силу ради того, чтобы впечатлить зрителей.

Северин прибыл в гарнизон через несколько дней. Официально — для проверки войск. Но Альдарин заметил, что он почти не интересовался делами гарнизона. Всё его внимание было приковано к Рейвану.

Альдарин не слышал начала их разговора: его вызвали к раненому солдату. Когда он вернулся, мужчины стояли у стены тренировочной площадки, а Рейван выглядел так, словно уже успел несколько раз отказать собеседнику.

— Я не собираюсь участвовать в чьей-то борьбе за влияние, — говорил Рейван.

— Я предлагаю тебе обучение и исследования, а не войну, — ответил Северин.

— Пока. А если твои опыты приведут к тому, что кто-то пострадает?

— Тогда мы остановимся и разберёмся в причине.

Рейван покачал головой.

— Это звучит разумно. Но мне нужно знать, кто будет отвечать за последствия. Не тот, кто первым предложил опыт, а тот, кто решил его проводить.

Северин задумался.

— Ты сам сможешь отказаться от участия, если сочтёшь риск неоправданным.

— А остальные?

— Я не стану удерживать тех, кто не хочет продолжать.

Рейван некоторое время молчал. Потом согласился встретиться с Северином в столице и посмотреть на его исследования. Он не присягал ему и не обещал верности. Рейван хотел

стать сильнее, но не ценой чужой жизни. Северин, судя по всему, рассчитывал убедить его по мере работы.

О двух других необычных союзниках Северина Альдарин узнал от целителя, служившего в северных землях.

Корв и Корва были близнецами. Они рано потеряли родителей — по словам тех, кто знал их историю, сами приложили к этому руку. Их способности проявились с такой силой, что обычное обучение стало для них почти невозможным.

Корв мог превращаться в огромного медведя, а Корва — в крупную хищную кошку. Каждое превращение имело свои слабости. Корв, например, особенно уязвим был перед огнём.

Когда Корва получила тяжёлую рану во время очередного превращения, Северин предложил близнецам помощь. Он обещал научить их лучше управлять своей силой и удерживать человеческий облик, когда боль или ярость мешали контролировать себя.

Целитель рассказывал, что Корва согласилась первой. Она сказала: «Я устала бояться собственной тени. Если он научит меня контролировать её, я пойду за ним». Корв потребовал гарантий: он хотел знать, что получит взамен и сможет ли в будущем рассчитывать на помощь Северина.

Тот пообещал обучать их и разрешил обращаться к нему с просьбами.

Близнецы приняли предложение. Они не доверяли Северину безоговорочно — доверие не возникает за один разговор. Но он предлагал то, чего они не могли получить больше нигде.

Так вокруг наследника постепенно собирались люди с разными причинами оставаться рядом. Одни искали знания, другие — силу или свободу от чужих правил. Некоторые пока лишь присматривались к нему. Северин не требовал от них одинаковых убеждений. Ему было достаточно того, что каждый видел в нём возможность изменить собственную жизнь.

С Келланом Альдарин поговорил в дворцовом саду.

Старший брат Северина владел боевой магией и почти всегда находился рядом с ним. Между братьями не было настоящего соперничества. Келлан любил Северина и не скрывал этого. Он поддерживал его даже тогда, когда остальные считали его идеи слишком смелыми.

Келлан и сам был недоволен тем, как устроена Эрида. Он видел, как одарённые люди годами ждали разрешения учиться, как решения Совета могли перечеркнуть чужую жизнь, а старые порядки сохранялись лишь потому, что никто не хотел брать на себя ответственность за перемены.

— Северин прав хотя бы в одном, — сказал Келлан, когда они остановились у каменной скамьи. — Мы слишком долго убеждали себя, что всё устроено правильно только потому, что так было до нас.

— А ты уверен, что он знает, как всё изменить?

Келлан улыбнулся.

— Нет. И он сам этого не знает. Но хотя бы пытается найти ответ. Разве это хуже, чем сидеть в Совете и годами обсуждать, почему ничего нельзя сделать?

Альдарин не стал спорить. В словах Келлана было то же недовольство, которое он не раз слышал от Северина. Разница заключалась в том, что старший брат ещё не утратил доверия к нему и не видел причин это доверие пересматривать.

— В последнее время он стал скрытным, — продолжил Келлан. — Раньше мы обсуждали почти всё. Теперь у него появились исследования, о которых он предпочитает не рассказывать.

— Тебя это беспокоит?

— Немного. Но я понимаю, почему он осторожен. Совет следит за каждым его шагом. Если Северин хочет найти другой путь, ему необязательно докладывать о каждом замысле тем, кто уже однажды отказался его слушать.

Для Келлана скрытность брата пока была не признаком недоверия, а способом защитить работу от тех, кто мог её остановить.

— Ты знаешь, что именно он исследует? — спросил Альдарин.

— Не всё. Он занимается усилением магии, изучает старые трактаты. Аббадон помогает ему с демонической энергией. Северин считает, что мы знаем о природе дара гораздо меньше, чем привыкли думать.

— А если некоторые знания опасны?

— Тогда нужно разобраться, в чём именно опасность. — Келлан посмотрел на Альдарина серьёзно. — Я не собираюсь оправдывать любой его поступок только потому, что он мой брат. Но и осуждать его заранее не стану. Я видел, сколько раз он пытался добиться перемен честным путём. Я знаю, чего он хочет для Эриды.

— А если однажды его представление о том, что нужно Эриде, изменится?

Келлан помолчал.

— Тогда я надеюсь, что смогу поговорить с ним так же, как сейчас. Он меня услышит.

В его уверенности не было ни слепоты, ни желания спорить. Келлан просто верил брату. Он знал его сильные стороны, видел недостатки и всё равно считал, что Северин способен сделать мир лучше.

Альдарин не стал убеждать его в обратном. У него не было доказательств, которые могли бы поколебать такую веру, да и сам он ещё не понимал, куда заведут Северина его исследования. И вообще, что это за исследования.

Келлан направился к кабинету брата. Он собирался обсудить новую идею военной подготовки и предложить помощь. Для него это было естественно: если Северин хотел изменить Эриду, Келлан собирался сделать всё, что мог, чтобы помочь ему.

Прошло ещё два года. Амайя выросла — она уже не была той девочкой, которую тётя привела в лечебное крыло. Теперь она достаточно хорошо управляла своим даром, чтобы помогать в сложных случаях. Её интересовали не только мысли людей, но и то, как магия связана с сознанием. Она хотела понять, почему иногда маг теряет способность пользоваться даром, хотя память, характер и речь остаются прежними.

Однажды Амайя принесла Альдарину записи по нескольким случаям утраты магии. Она сопоставила показания свидетелей и отметила, что некоторые пострадавшие перед потерей дара испытывали не просто холод, а ощущение, будто кто-то на короткое время вмешался в их сознание. Другие ничего подобного не помнили.

— Я хочу проверить, можно ли заметить изменение связи между сознанием и магией, — сказала она. — Не вмешиваться в неё, а хотя бы увидеть, что происходит, когда дар перестаёт отвечать.

— Как ты собираешься это проверить?

— Пока не знаю. Мне нужны более старые исследования. Есть упоминания о подобных состояниях, но сами труды хранятся в закрытом архиве.

— Ты подавала запрос?

— Дважды. Первый раз мне отказали, потому что я ещё не достигла нужного уровня. Второй — потому что исследования признаны слишком опасными для самостоятельной работы.

— Возможно, там есть причины, о которых ты не знаешь.

— Возможно, — согласилась Амайя. — Но, если мне не дадут прочитать сами исследования, как я пойму, что именно в них опасно? Как отличу обоснованный запрет от привычки ничего не менять?

В её голосе не было вызова. Она действительно хотела разобраться и не понимала, почему ей предлагают отказаться от вопроса, не дав даже изучить его историю. Альдарин объяснил, что некоторые знания могут причинить вред, даже если исследователь не собирается никому вредить. Амайя выслушала его, но ответ не снял её сомнений.

— Я не прошу разрешить мне опасный опыт, — сказала она. — Я прошу возможность понять, почему его считают опасным.

Альдарин пообещал снова обратиться к хранителям архива. Не потому, что был уверен в успехе, а потому, что её вопрос заслуживал ответа. Через некоторое время он узнал, что Амайя начала встречаться с Северином. Она сама рассказала ему об этом, когда он спросил, откуда у неё появились новые выписки по старым исследованиям.

— Он тоже интересуется связью между сознанием и магией, — сказала она. — У него есть труды, которых нет в нашем архиве. Он разрешил мне их изучить.

Альдарин нахмурился. Не потому, что Северин был опасен. А потому, что он знал его слишком хорошо.

— И что он хочет взамен? — спросил он.

— Пока ничего. Он задаёт вопросы, спорит со мной и не считает, что отсутствие ответа означает, будто вопрос нужно закрыть.

— Северин не всегда был таким терпеливым к чужим сомнениям.

— Он не согласен со мной во всём. Иногда мне кажется, что он слишком уверен в своих выводах. Но он хотя бы позволяет мне самой их проверять.

Альдарин хотел запретить ей встречи. Хотел потребовать, чтобы она прекратила общаться с человеком, которого он сам начинал бояться. Но он знал, что запрет ничего не решит. Амайя была слишком похожа на него самого в её возрасте — она не терпела, когда ей указывали, что можно думать, а что нет.

К тому же он не мог обвинить Северина в том, чего ещё не случилось. Северин был его другом. Он был умным, сострадательным, он хотел изменить Эриду к лучшему. Альдарин сам не раз соглашался с его доводами. И всё же что-то в этих встречах его тревожило. Не слова Северина, а то, как Амайя говорила о нём. С восхищением, которое граничило с благоговением.

— Я не запрещаю тебе с ним встречаться, — сказал он наконец. — Но попрошу об одном. Не путай доступ к знаниям с гарантией того, что человек, который их предоставляет, всегда прав. Даже если он искренне верит в то, что делает.

Амайя посмотрела на него с лёгким раздражением.

— Я этого не путаю.

— Я хочу, чтобы ты это помнила. Особенно когда он предложит тебе что-то, что покажется тебе очень важным.

— Почему ты так говоришь?

Альдарин помолчал. Он и сам не знал ответа. Просто чувствовал, что Северин уже не тот, кем был три года назад. Или, может быть, он всегда был таким, просто Альдарин не хотел замечать.

— Потому что я знаю его дольше, чем ты, — сказал он. — И знаю, что он умеет убеждать.

— Разве это плохо?

— Нет. Если ты помнишь, что убеждённость — не то же самое, что правда.

Амайя не ответила. Но Альдарин видел, что её это задело. Не потому, что она не согласилась, а потому, что она уже начала сомневаться.

Альдарин хотел ей верить. И верил — насколько мог.

Глава 5 Пророчество

Северин не любил неизвестность.

Он мог спорить часами, выслушивать возражения и даже признавать чужие доводы, если находил их убедительными. Но смириться с тем, что ответа нет и, возможно, не будет, ему было трудно.

После отказа Совета Северин всё реже говорил о своих планах. Зато всё чаще обращался к старым записям, расспрашивал учёных и выяснял, с кем из прорицателей можно поговорить. Вскоре до Альдарина дошли сведения, что Северин заинтересовался Эсмирой.

Она жила далеко от столицы, в небольшом доме на склоне горы. Редко покидала его и ещё реже соглашалась принимать гостей. Даже Старейшины не могли заставить её отвечать на вопросы, если она сама не желала говорить.

Северин хотел узнать, что именно она увидела в день заседания Совета. Возможно, надеялся понять, почему она испугалась, глядя на него, и почему Старейшины в конце концов отказали ему в короне.

О поисках Северина Альдарин узнал от отца. Тот получил письмо от знакомого библиотекаря, которому принц поручил собрать сведения об Эсмире: где она живёт, с кем встречается и когда в последний раз говорила о будущем.

— Он хочет узнать собственную судьбу, — сказал отец, откладывая письмо.

Они сидели в его кабинете. За окном темнело, и последние лучи солнца ложились на пол длинными полосами.

— Разве это плохо? — спросил Альдарин.

— Само по себе — нет. Но Северин не из тех, кто спокойно принимает ответ, если он ему не нравится.

— Возможно, он просто хочет понять, почему Совет так ему не доверяет.

Отец посмотрел на сына.

— Возможно. Не торопись решать за него, Альдарин. Мы часто ошибаемся в людях, когда заранее выбираем объяснение их поступкам.

В дверь постучали.

На пороге стояла Эсмира.

Альдарин видел её прежде несколько раз, но никогда не встречал так близко. Она казалась старше, чем он помнил. Седые волосы были собраны на затылке, дорожный плащ покрывала пыль, а на лице лежала усталость человека, который давно не отдыхал. Её руки заметно дрожали.

— Мне нужно поговорить с вами обоими, — сказала она. — И времени у нас почти не осталось.

Отец Альдарина сразу поднялся.

— Северин нашёл вас?

— Пока нет. Но он ищет. Скоро поймёт, где меня искать, и тогда мне уже не удастся прийти сюда незамеченной.

Эсмира вошла, сняла плащ и села напротив них. Альдарин предложил ей воды, но она отказалась.

— В день заседания Совета я увидела лишь часть того, что ждёт Северина, — начала она. — Тогда я знала только, что он опасен и не должен получить корону. Теперь картина стала яснее.

Отец не перебивал. Альдарин тоже молчал.

— Я надеялась, что он изменится, — продолжила Эсмира. — Что видение было лишь одной из возможностей. Но чем больше я наблюдала за ним, тем яснее понимала: он уже выбрал этот путь. Северин крадёт магию. Все случаи, которые вы изучали, связаны с ним.

Альдарин нахмурился.

— Откуда вы это знаете?

— Я видела это в видениях. Как он стоит над человеком, и тот теряет дар. Я не знаю, как именно он это делает. Но знаю, что это он. Я не могу доказать это вам.

Отец Альдарина медленно кивнул.

— Мы не нашли доказательств.

— Потому что он осторожен. Но он становится сильнее с каждым разом. Скоро он перестанет бояться, что его раскроют. И тогда уже никто не сможет его остановить.

— Ты говоришь о его победе так, будто она неизбежна, — заметил отец.

— Я видела её. Северин победит. Он соберёт вокруг себя людей, которые разделят его взгляды, и тех, кто присоединится ради собственной выгоды. Он станет сильнее любого мага, которого вы знаете. Совет падёт, а семь королевств окажутся под властью Северина и его приближённых.

— И что произойдёт после его победы? — спросил Альдарин.

Эсмира помолчала. Затем продолжила, и её голос стал тише.

— Через год после окончательной победы Северина родится ребёнок, который однажды станет началом сопротивления.

Альдарин нахмурился.

— Ребёнок сможет противостоять ему?

— Не сразу и не потому, что родится сильнее него. У этой девочки не будет дара, способного уничтожить Северина одним ударом. Но вокруг неё однажды соберутся люди, которые не захотят жить под его властью.

— Кто её родители? — спросил отец.

Эсмира ответила без колебаний:

— Силас, король портового города Орца.

Альдарин знал о Силасе по рассказам и нескольким коротким встречам. Тот не был магом и не отличался особой честностью, зато умел выбираться из неприятностей, в которые другой человек не рискнул бы попасть. Он торговался с врагами, обманывал союзников и всегда находил способ остаться на плаву.

— Силас не станет выступать против Северина, — сказал отец. — Он скорее попытается договориться с ним.

— Возможно, сначала так и будет, — согласилась Эсмира. — Он не сразу поймёт, что поставлено на карту. Но однажды ему придётся сделать выбор.

— А девочка? — спросил Альдарин. — Что мы должны сделать?

— Когда ей исполнится двадцать лет, ты призовёшь человека из другого мира. Не из другого королевства Эриды — из мира, в котором нет ни наших земель, ни нашей магии.

Альдарин решил, что ослышался.

— Как я должен его найти?

— Я дам тебе заклинание, которое откроет проход. Ты сохранишь его и не произнесёшь раньше назначенного срока.

— Почему именно этот человек? Что он умеет? Какую магию использует?

— Я не знаю его имени и не знаю, кем он станет к тому времени. Я видела его рядом с дочерью Силаса. Без него она не сможет пройти тот путь, который ей предстоит.

— А если чужак откажется помогать?

— У меня нет ответов на все вопросы, Альдарин. Но я знаю, что только вместе они смогут остановить его. А ты должен им помочь в этом и направить. Поэтому я и пришла к тебе.

Альдарину не понравился этот ответ. Слишком многое зависело от незнакомца, которого ещё не было в Эриде, о котором никто ничего не знал и которого предстояло привести сюда через двадцать лет после рождения принцессы.

— Почему ты не можешь рассказать об этом Совету? — спросил он. — Семеро Старейшин могли бы подготовиться.

— Чем больше людей будут знать подробности, тем скорее они дойдут до Северина. Он уже ищет меня. Если узнает имена родителей ребёнка и то, что девочка должна появиться после его победы, то может начать охоту ещё до её рождения.

— Но ты сама рассказала нам, кто её родители, — заметил отец.

— Потому что вам придётся защитить их, когда придёт время. А Северину я не скажу ни этого, ни того, кого нужно призвать. Пусть знает лишь, что однажды появится ребёнок,

способный бросить ему вызов. Этого достаточно, чтобы он понял: я не собираюсь помогать ему.

Отец поднялся и прошёлся по комнате.

— Ты просишь нас довериться пророчеству, которое мы не можем проверить, и ждать двадцать лет, прежде чем призвать неизвестного человека.

— Я прошу вас не считать отсутствие ответов доказательством того, что ответов нет.

Она произнесла это без вызова — скорее устало, будто сама уже много раз задавала себе те же вопросы.

— Вот заклинание, — сказала Эсмира.

Она достала из внутреннего кармана сложенный пергамент. На нём были нанесены символы: одни напоминали знаки старого языка, другие были Альдарину совершенно незнакомы.

— Не произноси его, пока дочери Силаса не исполнится двадцать лет. И не позволяй никому переписать его.

Альдарин осторожно взял пергамент.

— А если я произнесу его раньше?

— Тогда проход откроется в другом месте. И человек, которого ты призовёшь, может оказаться не там, где нужно. Или не тем, кем нужно.

— А если кто-то перепишет его?

— Тогда он сможет открыть проход без твоего ведома. И ты не узнаешь, кого именно он впустил в Эриду.

Альдарин убрал пергамент в футляр.

— А если я не доживу до этого дня?

— Тогда передашь его тому, кому доверяешь больше собственной жизни. Но я видела тебя рядом с принцессой, Альдарин. Ты будешь там.

Эти слова не успокоили его. Они лишь добавили к неизвестному будущему ещё одну обязанность, от которой нельзя было отказаться.

Отец остановился напротив Эсмиры.

— Северин всё ещё может изменить свой путь. Ты сама сказала, что не видишь каждого шага.

— Да. Он не родился чудовищем. И я не знаю, какой выбор окончательно приведёт его к тому, что я видела. Но я знаю, что он придёт ко мне за ответом. И я не дам ему того, чего он хочет.

— Мы можем помочь тебе скрыться, — предложил отец.

— Нет. Если я исчезну, он начнёт искать всех, кто мог со мной говорить. Я останусь там, где он ожидает меня найти. Это даст вам время.

Эсмира поднялась, накинула плащ и направилась к двери. У самого порога остановилась и посмотрела на Альдарина.

— Не пытайся сделать из принцессы оружие против Северина. Учить её нужно не тому, как ненавидеть его, а тому, как не стать им.

Альдарин хотел спросить, что именно она имела в виду, но Эсмира уже вышла.

Они с отцом остались одни.

На столе лежал футляр с заклинанием. Альдарин не стал его открывать. Казалось, одного знания о его существовании уже достаточно, чтобы изменить всё, что он будет делать дальше.

— Что теперь? — спросил он.

Отец долго смотрел на футляр.

— Теперь мы должны выяснить, что Северин уже знает, — сказал он. — И не дать ему узнать остальное.

— А Совет?

— Пока не весь Совет. Сначала я поговорю с теми, кому доверяю.

Альдарин понимал его осторожность, но впервые почувствовал, насколько опасной она может оказаться. Пока они решали, кому можно доверить правду, Северин продолжал искать собственные ответы.

В ту ночь Альдарин почти не спал. Он думал о девочке, которой ещё не было на свете, и о человеке из другого мира, которого ему предстояло призвать через двадцать лет после её рождения. Он не знал, как они встретятся и что сделает их союз возможным.

Но теперь у него была тайна, которую нельзя было передать даже тем, кому он доверял больше всего.

А далеко от столицы Эсмира возвращалась домой — навстречу человеку, чью судьбу уже видела и от которого всё равно не собиралась прятаться.

Глава 6 Два года

Северин не овладел тёмной магией за одну ночь.

Все эти годы он изучал записи, проверял теории и искал способ, который позволил бы ему не просто подавить чужую магию, а присвоить её. Когда ему наконец удалось добиться устойчивого результата, он не почувствовал торжества. Только холодную уверенность человека, который слишком долго шёл к цели, чтобы теперь отступить.

Он начал забирать силу у других магов.

Каждый новый опыт делал его могущественнее. Огонь, молнии, защитные чары — разные виды магии усиливали его собственный дар. Постепенно Северин перестал быть исследователем, который проверяет опасную теорию. Он стал человеком, видевшим в чужой силе средство для достижения своей цели.

Аббадон оставался рядом. Он не создавал заклинание извлечения и не проводил опытов — это была работа самого Северина. Аббадон защищал его, помогал скрывать исследования и предупреждал об опасностях, которые тот предпочитал не замечать. Он был предан Северину безоговорочно и считал его своим лидером. Если бы ради него пришлось принять удар на себя, Аббадон не колебался бы.

Амайя тоже всё чаще бывала при Северине.

Сначала она приходила за книгами и сведениями, которых не могла получить в архиве Совета. Её по-прежнему занимало исчезновение магии, и она надеялась понять, что происходило с сознанием и даром пострадавших.

Северин не отмахивался от её вопросов. Он позволял ей читать запретные труды, спорил с ней и предлагал объяснения там, где Совет ограничивался отказом. Так же он помог ей с её даром. Он обучал её тому, как можно повлиять на разум или взять его под контроль. Она стала невероятно сильным магом разума. Это было именно то, что нужно было Северину.

Она не заметила, когда это началось. Сначала ей нравилось, что он не боялся спорить с ней. Потом — что он доверял ей то, чего не доверял другим. А потом она поймала себя на том, что ищет поводы остаться в библиотеке дольше, чем нужно. Она не называла это чувство вслух. Но оно было.

Письма Амайи Альдарину постепенно стали приходить реже. Сначала он решил, что она просто занята исследованиями. Потом ответы стали короче и осторожнее, а однажды она вовсе перестала отвечать. Лишь позже Альдарин понял, что Амайя уже сопоставляла прежние сведения с тем, что узнавала от Северина, и всё чаще принимала его доводы.

Он надеялся, что, увидев цену его опытов, она отступит. Но недооценил, насколько сильно Амайя хотела получить ответы, в которых ей отказывали. Она видела, что Северин перешёл черту, — и всё же убеждала себя, что его цель важнее методов.

Амайя не сразу согласилась использовать свой дар для поиска врагов Северина. Сначала она помогала только с теми, кто угрожал непосредственно ему. Но однажды она нашла мага, который прятался в маленькой деревне. Он не готовил заговор. Он просто боялся. Амайя могла отпустить его. Но она уже знала, что Северин узнает. И тогда она сказала себе, что этот человек

всё равно опасен. Потому что не хотела признавать, что уже стала частью системы, которую сама когда-то ненавидела.

Когда она вернулась, Северин ждал её в библиотеке. Он стоял у окна, и на его лице не было ни торжества, ни благодарности. Только усталость.

— Ты нашла его? — спросил он.

— Да.

— Он был один?

— Да. Он не представлял угрозы.

Северин помолчал.

— Но ты всё равно пришла.

Амайя опустила глаза. Она не знала, что сказать. Она хотела сказать, что сделала это ради него. Что она готова сделать это снова. Что она сделает всё, что он попросит. Но слова застряли в горле.

— Ты не обязана это делать, — сказал Северин. — Я не просил тебя.

— Я знаю.

— Тогда почему?

Амайя подняла на него глаза. В её взгляде было что-то, чего она сама боялась. Что-то, что она не решалась назвать вслух.

— Потому что я хочу быть рядом с тобой, — сказала она тихо.

Северин посмотрел на неё. Долго. Слишком долго. И в этом взгляде не было ни нежности, ни благодарности. Только понимание.

— Амайя...

— Не надо, — перебила она. — Я знаю, что ты не чувствуешь того же. Я не прошу. Я просто хочу, чтобы ты знал. Я сделаю это снова. И снова. Потому что я верю в то, что ты делаешь. И потому что я не хочу возвращаться к той жизни, где я была просто ученицей, которая задаёт слишком много вопросов.

Северин отвернулся к окну.

— Ты можешь уйти в любой момент, — сказал он. — Я не стану тебя удерживать.

— Я знаю, — ответила она. — Но я не уйду.

Она вышла из библиотеки, оставив его одного. И впервые за долгое время почувствовала, что сделала выбор. Не тот, который был правильным. Тот, который был её.

Её привлекали его ум и решимость; со временем к этому прибавилось чувство, которое она не спешила называть вслух. Северин уважал её способности и доверял ей часть своих мыслей. Но на её привязанность он не отвечал тем же.

В конце концов Альдарин решил поговорить с ними лично.

Встреча состоялась в крепости на востоке, где Северин устроил свою главную резиденцию. Альдарина провели в большой зал. На стенах висели карты семи королевств, а рядом лежали отчёты о передвижениях войск.

Северин стоял у окна. Аббадон находился неподалёку, а Амайя сидела за столом, разбирая записи.

Она подняла голову, когда Альдарин вошёл.

— Альдарин, — сказала она.

Он посмотрел на неё, надеясь увидеть хотя бы тень сомнения. Но Амайя спокойно отложила перо.

— Значит, это правда. Ты действительно осталась с ним.

— Я сама сделала этот выбор.

— Ты знаешь, что он делает с магами.

— Знаю.

Её ответ прозвучал так спокойно, что Альдарин на мгновение не нашёлся, что сказать.

— И тебя это не останавливает?

— А что должно меня остановить? — спросила она. — Совет, который годами решал за всех, кому позволено пользоваться собственной силой, а кому нет? Правила, которые не помогали тем, кто терял магию? Ты сам видел, как они отказывали людям, которым нужна была помощь.

— Я видел и другое, Амайя. Я видел, как Северин перестал спрашивать людей, готовы ли они платить за его решения.

Она отвела взгляд, но лишь на секунду.

— Он хочет изменить саму систему.

— А если люди не захотят жить по его правилам?

— Тогда им придётся решить, что для них важнее. Старый порядок или будущее.

Альдарин повернулся к Северину.

— Ты слышишь её? Она говорит о людях так, словно у них нет права отказаться.

— У них будет выбор, — ответил Северин.

— Какой?

Северин отошёл от окна.

— Жить по моим правилам — и я не трону их. Они смогут сохранить свои дома, заниматься своими делами и пользоваться магией. Мне не нужны пустые города и мёртвые королевства, Альдарин. Мне нужна Эрида, которая больше не будет раздирать себя на части из-за решений семерых стариков. Я построю больше школ для магов. Я дам им свободу, которой они были лишены.

— А если кто-то решит сопротивляться?

— Тогда он станет моим врагом.

— Неужели ты не понимаешь, что именно так начинается тирания?

— Ты называешь тиранией всё, что не можешь контролировать.

— Нет. Я называю это тиранией, когда один человек решает, что его воля важнее чужой жизни.

Аббадон сделал шаг вперёд, но Северин остановил его едва заметным движением руки.

— Я не хочу с тобой ссориться, — сказал Северин. — Ты мне не враг, и я считал тебя соратником. Ты всегда меня поддерживал. Поэтому я хочу дать шанс твоему отцу. Пусть отступит, и я сохраню ему жизнь. Совету необязательно идти против меня.

— Они не пойдут на это, Северин. Они будут защищать Эриду. Остановись, пока ещё можешь.

Северин долго молчал. За окном ветер гнал по двору пыль, а где-то в глубине крепости захлопнулась дверь.

— Тогда мне жаль, Альдарин, — наконец сказал он. — Я уже слишком далеко зашёл. И не собираюсь останавливаться.

— Почему?

Северин посмотрел на него. В его глазах не было злости. Только усталость человека, который слишком долго нёс на себе груз собственных решений.

— Потому что, если я остановлюсь сейчас, всё, что я сделал, окажется напрасным. Все, кого я потерял, погибли зря. Я не могу этого допустить.

Альдарин снова посмотрел на Амайю.

— А ты? Ты ведь знаешь, что он не любит тебя так, как ты, возможно, хотела бы.

Впервые её спокойствие дало трещину. Она побледнела, но голос не повысила.

— Не смей решать за меня, Альдарин.

— Я не решаю за тебя. Я пытаюсь напомнить, что ты не обязана доказывать ему свою преданность ценой собственной совести.

— Довольно, — сказала она.

В этом слове было больше окончательности, чем во всех её прежних ответах.

— Я благодарна тебе за всё, чему ты меня научил. Но я больше не твоя ученица.

Альдарин вспомнил четырнадцатилетнюю девочку, которая боялась собственных способностей и спрашивала, имеет ли она право не слушать чужие мысли. Он учил её, что сила не даёт права переступать чужие границы. Теперь она стояла перед ним и защищала человека, который давно переступил их.

— Надеюсь, однажды ты вспомнишь наши уроки, — сказал он.

— А я надеюсь, что однажды ты поймёшь Северина.

На этом разговор закончился. Альдарин покинул крепость, ничего не добившись.

Через несколько месяцев началась открытая война. Она растянулась на два года — два года, за которые Эрида успела забыть, как выглядит мир без зарева пожаров на горизонте.

Первым пал один из небольших северных уделов, правитель которого отказался признать власть Северина. Его войска не успели собрать все силы: Рейван обрушил молнии на укрепления, а воины Келлана вошли в город через пролом в стене.

Тем, кто сложил оружие, позволили остаться. Тем, кто продолжил сопротивление, выбора не оставили.

Затем настала очередь соседнего королевства. Северин больше не нуждался в долгих переговорах. Иногда он сам появлялся на поле боя, и одного его присутствия хватало, чтобы защитники начинали отступать. Он мог пробить магическую защиту, созданную несколькими сильными магами, а затем забрать их силу себе. После каждой такой победы его власть становилась крепче. Так же с помощью Амайи многих магов, которые сдавались, вербовали в свои ряды.

Келлан руководил армией и старался не допускать бессмысленных потерь. Он по-прежнему верил, что Северин строит новый порядок, пусть и жестокими методами. Приказы Келлана порой спасали целые города, но изменить общий ход войны он не мог.

Корв и Корва преследовали тех, кто пытался скрыться или присоединиться к сопротивлению.

Силас, король портового королевства Орц, предоставлял Северину корабли, деньги и сведения о морских путях. Он не участвовал в сражениях на суше — его война была на море. И это дало ему время встретить Илму.

Амайя помогала выявлять тех, кто готовился выступить против нового правителя. Иногда ей хватало одного разговора, чтобы понять, кому нельзя доверять.

Так одно королевство за другим переходило под власть Северина.

Альдарин узнавал о походах из писем, рассказов беженцев и донесений, которые удавалось перехватить. В этих историях повторялись одни и те же подробности: молнии Рейвана, звериный рёв близнецов, приказы Келлана и чёрное пламя, после которого маги больше не могли поднять руки для заклинания.

Северин не требовал, чтобы все любили его. Он требовал, чтобы ему не мешали. Он верил, что однажды люди поймут: он сделал это ради них. И когда это произойдёт, они простят его. Даже если ему придётся заставить их простить. По словам тех, кто находился рядом с ним, после каждой победы он говорил о будущем так, будто самое трудное уже позади. Больше не будет семи голосов, способных остановить его решение, старых ограничений и бесконечных споров.

Но каждый новый город требовал гарнизона, каждый покорённый правитель оставлял недовольных, а война не заканчивалась. Северин всё ещё верил, что достаточно победить последних противников — и Эрида наконец станет такой, какой он её задумал.

Когда война добралась до земель Совета, Старейшины наконец выступили вместе. Они собрали магов, укрепили древние защитные рубежи и попытались остановить Северина у гра-

ницы центрального королевства. Это была последняя большая битва, в которой Совет сражался как единое целое.

Но против силы, которую Северин накопил за два года завоеваний, даже Старейшинам оказалось трудно выстоять. Он разрушал их барьеры, отражал атаки и забирал магию у тех, кто оказывался рядом. С каждым новым противником его сила росла.

Некоторые Старейшины погибли в бою. Другие были захвачены, среди них был отец Альдарина. Их лишили магии. Но Северин не собирался их убивать.

Он считал себя достаточно сильным. Той магии, которую он уже украл, хватало, чтобы сокрушить Совет и подчинить себе королевства. А тех, кого он сажал в тюрьмы, он мог забрать позже. Когда понадобится. Когда найдёт способ использовать их силу с большей пользой.

Тех, кто выжил, отправили в крепости на востоке. Там их держали в камерах, а на запястьях защёлкивались магические браслеты, которые не позволяли использовать дар. Северин хотел, чтобы они видели, как он строит новый мир. И чтобы не могли ему помешать.

Обычных магов, которые сражались против него, но не представляли угрозы, Северин не трогал. Он отпускал их, если они соглашались жить по его правилам. Тех, кто отказывался, ждала та же участь, что и Старейшин: тюрьма, браслеты и ожидание, когда их сила понадобится.

Альдарин находился среди защитников, когда пал последний барьер.

Северин узнал его сразу. Он мог убить Альдарина одним ударом. Тот видел, как легко принц остановил направленное в него заклинание и отбросил его в сторону. Но Северин не стал атаковать.

— Альдарин, — произнёс он.

Альдарин поднял руку, приготовившись защищаться, хотя прекрасно понимал, что его магия не спасёт, если Северин действительно решит покончить с ним.

Северин посмотрел на него почти устало.

— Ты никогда не был мне врагом. Поэтому я даю тебе уйти.

— А остальные?

— Тех, кто будет жить по моим правилам, я не трону. Они смогут сохранить свои дома и продолжить жить. Но Совет больше не будет управлять Эридой.

— Ты называешь это милостью?

— Называй как хочешь.

Северин отступил, освобождая ему дорогу.

Альдарин не поблагодарил его. Не потому, что не понимал: Северин только что сохранил ему жизнь. Просто он не мог принять условия, на которых тот собирался строить будущее.

— Когда-нибудь тебе придётся ответить за всё, что ты сделал, — сказал Альдарин.

Северин не рассердился.

— Возможно. Но не сегодня.

Он повернулся к своим людям, и разговор был окончен.

Позже Альдарин узнал, что Северин отпустил его отца.

Не потому, что тот согласился жить по его правилам. Не потому, что был слишком слаб, чтобы представлять угрозу. А потому, что Северин уважал Альдарина. Он знал, что Альдарин никогда не простит ему смерти отца. И, возможно, впервые за долгое время Северин не захотел причинять боль человеку, который когда-то был его другом.

Отец Альдарина вернулся домой через несколько недель. Он был истощён, лишён магии и сломлен. Но живой.

Альдарин встретил его на пороге и долго не мог произнести ни слова. Он обнял отца, чувствуя, как тот дрожит. Они стояли так несколько минут. Альдарин не плакал. Он просто держал отца и слушал его дыхание.

И только вечером, когда отец уснул, Альдарин вышел во двор и позволил себе заплакать. Не от радости. От облегчения. И от ярости. Потому что понимал: Северин отпустил отца не из милосердия. Он сделал это, чтобы доказать самому себе, что ещё способен на благородство.

Вечером они сидели в комнате отца. За окном темнело, а в камине тихо потрескивали дрова. Отец выглядел старше, чем прежде. Морщины на его лице стали глубже, а руки, когда-то уверенно державшие целебные травы, теперь слегка дрожали.

— Он говорил со мной, — сказал отец. — Перед тем как отпустить. Северин пришёл в камеру. Я думал, он пришёл, чтобы забрать остатки моей силы. Или чтобы казнить. Но он просто сел напротив и долго смотрел на меня.

— Что он сказал?

Отец помолчал, словно вспоминая.

— Он сказал, что не хочет быть злом. Что он не тиран. Что он — спасение. Он сказал, что Совет слишком долго держал Эриду в клетке. Что маги боятся использовать свою силу. Что люди умирают из-за запретов, которые никому не помогают. И что он — единственный, кто готов заплатить цену за перемены.

Альдарин нахмурился.

— И ты ему поверил?

— Нет, — тихо ответил отец. — Но я понял, что он верит. Он искренне верит в то, что делает. И это страшнее, чем если бы он просто хотел власти.

Альдарин опустил голову. Он вспомнил Северина в библиотеке, когда тот говорил о реформах. Вспомнил его лицо, когда он узнал, что Совет отказал ему. Вспомнил его слова: «Я хочу, чтобы ограничения служили людям, а не превращались в удобный способ не замечать их проблемы».

Тогда Альдарин соглашался с ним. Тогда он верил, что Северин прав.

— Он не зло, — сказал отец. — Но он и не спасение. Он — человек, который слишком уверен в своей правоте. И эта уверенность позволяет ему оправдывать всё, что он делает.

Альдарин посмотрел на отца.

— Но, если он прав хотя бы в чём-то? Если старый порядок действительно был несправедлив? Если маги действительно страдали от запретов?

Отец долго молчал.

— Возможно, он прав в чём-то, — наконец сказал он. — Но это не оправдывает тюрем. Не оправдывает браслетов. Не оправдывает тех, кто остался в крепостях на востоке. Он мог изменить Эриду, не превращая её в поле боя. Но он выбрал другой путь.

— Почему?

— Потому что он не умеет ждать. Он не умеет просить. Он привык, что если мир не хочет меняться, его нужно заставить. И в этом его трагедия. Он хотел спасти Эриду, но спасение, которое он предлагает, требует слишком много жертв. И самое страшное — он не понимает, что жертвы — это не просто цифры. Это люди. Такие же, как он. Просто у них нет его силы.

Альдарин отвернулся. Он чувствовал, как внутри борются два чувства. Он ненавидел Северина за то, что тот сделал. За тюрьмы, за браслеты, за войну. Но он не мог избавиться от мысли, что где-то Северин был прав. Что старый порядок действительно был несправедлив. Что маги действительно страдали. И что если бы Совет тогда, на заседании, выслушал его до конца, возможно, ничего бы этого не случилось.

— Я не знаю, что чувствовать, — признался Альдарин. — Я хочу ненавидеть его. Но не могу. Потому что помню, каким он был раньше. И потому что понимаю, почему он начал эту войну.

— Это нормально, — сказал отец. — Если бы ты ненавидел его без сомнений, ты был бы таким же, как он. Уверенным в своей правоте. Но ты сомневаешься. И это значит, что ты ещё не потерял себя.

Альдарин поднял на него глаза.

— Что мне делать?

— То, что должен. Искать тех, кто ещё не склонился перед ним. Помогать тем, кто остался в тюрьмах. И помнить, что даже если Северин прав в чём-то, это не даёт ему права решать за всех остальных.

Альдарин кивнул. Он не знал, достаточно ли этого. Но другого ответа у него не было.

В ту ночь он долго сидел у постели отца, слушая его дыхание. Он пытался убедить себя, что должен быть благодарен. Северин мог убить его. Мог оставить в тюрьме. Но отпустил. И всё же где-то глубоко внутри Альдарин чувствовал не благодарность, а холод. Потому что понимал: Северин отпустил отца не из милосердия. Он сделал это, чтобы доказать самому себе, что ещё способен на благородство. И это было страшнее любого наказания.

Отец Альдарина прожил ещё год. Он так и не оправился от потери магии и плена. Альдарин был рядом до конца. А когда отца не стало, в нём что-то оборвалось — тихо, без крика, но навсегда.

Совет был сломлен, но война ещё не закончилась. Одно королевство продолжало сопротивляться и отказывалось признавать власть Северина. Оно удерживало перевалы и крепости, надеясь, что после победы над Советом у завоевателя не хватит сил для нового похода. Альдарин знал, что надежда эта хрупка. Но пока последнее королевство стояло, Северин ещё не мог назвать себя единственным правителем всей Эриды.

После падения Совета сопротивление не исчезло, но стало разрозненным. Одни маги ушли в горы, другие скрывались в лесах и маленьких поселениях. Некоторые признали власть Северина, решив, что лучше жить под его законами, чем погибнуть в бессмысленной войне.

Альдарин не мог оставаться в одном месте надолго. Северин позволил ему уйти, но это не означало, что сторонники нового правителя будут рады видеть его рядом. Нужно было найти тех, кто ещё мог помочь сохранить старые знания и защитить людей, не желавших подчиняться.

Он слышал о Силасе, короле Орца. Тот поддержал Северина с самого начала завоеваний и предоставил ему флот. О нём рассказывали разное: что он хитёр, что умеет находить выгоду там, где другие видят лишь опасность, и что однажды сумел выбраться из тюрьмы, из которой не выходили даже самые ловкие преступники. Альдарину казалось, что человек, который так хорошо понимает цену свободы, должен хотя бы выслушать его.

Он нашёл Силаса в портовом городе, где корабли стояли у причалов под новыми знамёнами. В гавани кипела работа. Купцы разгружали товары, моряки спорили о плате, а солдаты Северина патрулировали улицы. Жизнь продолжалась, словно за стенами города не рушились королевства.

Силас принял Альдарина в небольшом кабинете над портовой конторой. Он был одет просто, без тяжёлых королевских украшений. На столе перед ним лежали счета, письма и несколько карт.

— Целитель Альдарин, — сказал он, откидываясь на спинку кресла. — Не ожидал, что вы окажете мне такую честь. Если пришли просить за кого-то, сразу предупреждаю: я больше не принимаю решений от имени Совета.

— Я пришёл не от имени Совета.

— Тогда от чьего?

— От имени будущего, которого вы пока не знаете.

Силас усмехнулся.

— Начало многообещающее. Продолжайте.

Альдарин рассказал ему о пророчестве Эсмиры. О том, что Северин одолеет Совет и подчинит себе королевства. О девочке, которая родится через год после его окончательной победы и однажды станет началом сопротивления. О том, что она поведёт за собой тех, кто откажется жить на коленях. И наконец — о том, что её отцом будет Силас.

Силас слушал, не перебивая. Но чем дальше говорил Альдарин, тем меньше интереса оставалось на его лице.

— И какое отношение всё это имеет ко мне? — спросил он наконец.

— Девочка родится у вас.

Он несколько секунд смотрел на Альдарина, словно пытался понять, не шутит ли тот.

Потом рассмеялся.

— У меня?

— Да.

— Альдарин, вы, кажется, перепутали меня с кем-то другим. У меня нет ни жены, ни ребёнка. И, если вам интересно, в ближайшее время я не собираюсь обзаводиться ни тем, ни другим. У меня хватает забот без семейных пророчеств.

— Эсмира не ошибалась.

— Возможно, Эсмира увидела то, чего не существует.

— Она видела собственную смерть и всё равно пришла рассказать мне о будущем. Незадолго до того, как Северин её убил.

Улыбка исчезла с лица Силаса, но лишь ненадолго.

— Допустим, она действительно что-то увидела. Почему вы решили, что это непременно случится?

— Потому что я ей верю.

— А я верю тому, что вижу. Перед вами король Орца, у которого нет жены, нет дочери и нет ни малейшего желания становиться участником вашей войны против Северина.

— Я не прошу вас воевать с ним.

— Пока не просите, — заметил Силас. — Но, полагаю, это изменится.

Он поднялся, давая понять, что разговор окончен.

— Я ценю, что вы пришли предупредить меня, — сказал он уже у двери. — Но не ждите, что я стану менять свою жизнь из-за слов человека, которого никогда не встречал.

Альдарин хотел возразить, но понял, что это бесполезно. Силас не боялся пророчества. Он просто не видел в нём себя.

Альдарину пришлось уйти ни с чем.

Уже на улице он остановился и посмотрел на корабли в гавани. Один из них готовился к отплытию, и матросы торопливо убирали снасти. Он думал о Силасе, о его уверенности, о том, как легко человек отвергает опасность, если она ещё не коснулась его собственной жизни.

Силас видел, что случилось с теми, кто пытался предупредить Северина. Одни исчезли. Другие оказались в тюрьмах с браслетами на запястьях. Он не собирался повторять их судьбу. Поэтому и не рассказал Северину о пророчестве — понимал, что тот скорее всего убьёт его.

Он ещё не понимал, что его собственная жизнь может измениться быстрее, чем он рассчитывал, и что имя Илмы однажды станет для него важнее всех сделок и обязательств. Он не знал, что у него появится дочь, чьё имя будет иметь значение для всей Эриды. И уж тем более он не мог знать, что однажды ему придётся выбирать между безопасностью своего королевства и жизнью ребёнка, о котором он пока даже не думал.

Альдарин не мог заставить его поверить. Поэтому он продолжил путь — искать тех, кто ещё не склонился перед Северином, и ждать дня, когда пророчество перестанет быть лишь словами на старом пергаменте.

Глава 7 Падение последнего короля

Последнее королевство продержалось дольше остальных.

Его правитель, король Алдрик, не верил, что Северин остановится после победы над Советом. Он видел, как соседние земли теряли самостоятельность, как одни короли согла-

шались на подчинение ради сохранения трона, а другие исчезали вместе со своими семьями. Поэтому он отказался от переговоров и заперся в крепости, окружённой горными проходами. Он рассчитывал, что узкие дороги и высокие стены заставят армию Северина платить за каждый шаг.

Альдарин узнал о том, что происходило там, не сразу. В тот день его не было рядом с войском Северина. Он скрывался на юге, помогая беженцам и пытаясь найти тех, кто не смирился с поражением.

Позднее он собрал рассказы солдат, выживших защитников и людей, которым удалось бежать из крепости. Их свидетельства различались в мелочах, но в главном совпадали.

Перед последним штурмом Северин предложил королю сдаться. Он не обещал сохранить ему корону. Он обещал сохранить город — если защитники сложат оружие и признают новую власть.

Король ответил, что не станет отдавать страну человеку, который называет покорность миром.

Тогда Северин отдал приказ начать штурм.

Первым ударил Аббадон.

Демоническое пламя прокатилось по внешним укреплениям, словно прожигая саму магическую защиту. Камни потемнели, на воротах появились трещины. Защитники подняли барьеры, и на несколько мгновений огонь остановился перед стеной, будто наткнулся на прозрачную преграду.

Рейван вскинул руку. Молнии ударили в защитный купол одна за другой. Воздух наполнился сухим треском, запахом озона и криками тех, кого отбросило ударной волной. Купол выдержал первый залп, второй — и дрогнул на третьем.

Рейван опустил руку и посмотрел на свою ладонь. На ней ещё дрожали искры. Он улыбнулся. Не торжествующе — скорее удовлетворённо, как человек, который наконец получил то, чего давно ждал.

— Ещё раз, — сказал он.

— Барьер почти пал, — заметил один из его магов.

— Я знаю. Ещё раз.

Молнии ударили снова. На этот раз купол треснул, и осколки магической защиты рассыпались в воздухе. Рейван смотрел на это с таким видом, будто наблюдал за красивым закатом.

— Хорошо, — произнёс он. — Теперь внутрь.

Келлан повёл пехоту к пролому. Он не бросал людей вперёд без разбора: его отряды двигались короткими перебежками, прикрывая друг друга щитами и боевой магией. Когда защитники попытались закрыть проход, Корв превратился в огромного медведя и ударил в створ ворот всем весом. Дерево хрустнуло. Корв отступил, стряхивая с шерсти искры, и снова бросился вперёд.

На этот раз он не спешил. Он играл.

Медведь сбил с ног первого защитника, но не убил его. Отбросил в сторону второго, сломал копьё третьему. Он мог бы прорваться внутрь, но вместо этого кружил по двору, заставляя людей отступать. Он наслаждался их страхом.

— Корв! — крикнул Келлан. — Хватит играть! Нам нужно пройти!

Медведь повернул голову. В его глазах не было ярости. Только разочарование. Он не хотел, чтобы это заканчивалось так быстро.

На стену первой взобралась Корва. В человеческом облике она двигалась почти бесшумно; на верхнем уступе её тело выгнулось, руки и плечи изменились, и на камень прыгнула крупная хищная кошка.

Она не искала проход внутрь. Она искала тех, кто пытался убежать.

Один из защитников бросился к лестнице. Корва позволила ему добежать до середины, а затем одним прыжком настигла его. Она не убила его сразу. Она сбила его с ног и стояла над ним, наблюдая, как он пытается отползти.

— Пожалуйста, — прошептал он.

Корва склонила голову набок. В её глазах не было ни жалости, ни ненависти. Только любопытство. Она смотрела на него так, как смотрят на насекомое, которое ещё шевелится.

Потом она убила его. Быстро. Почти милосердно.

Но не потому, что ей было жаль. Просто ей стало скучно.

Но стены не рухнули сразу. Защитники держались, пока могли, и на узких лестницах численное преимущество армии Северина почти исчезало. Там не помогали ни широкие построения Келлана, ни молнии Рейвана. Каждая ступень становилась отдельным боем.

Тогда в крепость вошёл сам Северин.

Его встретили трое магов, поддерживавших главный барьер. Один владел водой и льдом, второй — боевой магией, третий был целителем, усиливавшим защиту союзников. Они действовали слаженно: ледяные шипы закрыли проход, энергетические стрелы ударили следом, а целитель удерживал их силы от истощения.

Северин не стал пробивать защиту одним ударом. Он остановился перед ней, поднял ладонь и начал произносить заклинание, которого никто из защитников не знал. Тёмные линии проступили на камне у его ног. На миг всё вокруг будто потеряло звук.

Первым ослаб маг льда. Он попытался поднять руку, но пальцы дрогнули, а шипы рассыпались на мелкую крошку. Второй маг отступил, прижимая ладонь к груди. Третий рухнул на колени, внезапно лишившись силы, которой поддерживал остальных.

Северин забрал их магию. Он не выглядел так, будто это стоило ему большого усилия. Только на висках выступил пот, а по пальцам скользнула тёмная рябь. Он выпрямился и направил новую силу на барьер. Защита лопнула, словно стекло, и осколки света рассыпались в воздухе.

Один из выживших защитников позднее рассказывал Альдарину, что в тот миг понял: они сражаются уже не с королём и даже не просто с магом, а с человеком, способным отнять у противника саму возможность сопротивляться.

Король Алдрик встретил Северина во внутреннем дворе.

На нём был помятый нагрудник, лицо пересекала кровь, но меч он держал крепко.

— Ты победил Совет, — сказал он. — Этого тебе мало?

— Совет мешал Эриде меняться, — ответил Северин. — Ты защищаешь старый порядок, который уже проиграл.

— Я защищаю право моего народа самому решать, кому подчиняться.

— Тогда ты заставляешь его погибать ради собственного упрямства.

Король шагнул вперёд. Он не был магом, но умел обращаться с мечом и не собирался сдаваться без боя. Северин отбил первый удар, второй, затем выбросил руку вперёд. Тёмная вспышка ударила короля в грудь и отбросила его к ступеням.

По рассказам свидетелей, король попытался подняться. Он не смог. Северин стоял над ним, тяжело дыша, и смотрел без торжества.

— Ты мог остановить это, — сказал Северин. — Ты мог принять мои условия. Ты мог сохранить свой город. Но ты выбрал гордость. И теперь твой народ будет жить под моей властью. Не потому, что я жесток. А потому, что ты не оставил мне выбора.

Король что-то ответил, но никто из тех, кто находился рядом, не смог повторить его слова. Через мгновение он умер.

После этого сопротивление стало распадаться. Одни защитники бросили оружие, другие продолжали сражаться в переулках и домах.

Когда Рейван заметил молодого мага, который, уже безоружный, пытался подняться на колено, он направил на него разряд.

— Хватит! — приказал Северин.

Молния погасла у самой ладони Рейвана.

— Он сражался против нас, — резко сказал тот.

— Теперь он сложил оружие.

— Он снова поднимет его, как только мы отвернёмся.

— Тогда отвечать он будет за новый поступок, а не за тот, который ты ему приписал заранее.

Рейван сжал челюсти. На его лице не было злости. Было раздражение. Как у ребёнка, у которого отобрали игрушку.

— Как скажешь, — произнёс он.

Он опустил руку, но, когда Северин отвернулся, Рейван посмотрел на молодого мага. И улыбнулся. Не злобно. Просто… с обещанием.

Маг это увидел. И побледнел.

Позже, когда крепость пала, Корва нашла Рейвана во внутреннем дворе. Она была в человеческом облике, на её руках засохла кровь.

— Ты видел, как они бежали? — спросила она.

— Видел, — ответил Рейван.

— Мне понравилось.

— Мне тоже.

Они стояли рядом и смотрели на горящую крепость. Где-то внизу кричали люди. Где-то пытались тушить пожар. Где-то умирали.

— Северин недоволен, — сказала Корва. — Он считает, что мы слишком жестоки.

— Северин всегда чем-то недоволен, — ответил Рейван. — Но он не отказывается от нашей помощи.

— Пока мы ему нужны.

— А мы ему нужны. Пока есть те, кто сопротивляется.

Корва улыбнулась. Это была не злая улыбка. Скорее усталая. Как у человека, который нашёл своё место в мире и не собирается его менять.

— Мне нравится, когда сопротивляются, — сказала она. — Это даёт нам причину.

Рейван ничего не ответил. Он смотрел на огонь и думал о том, что война, возможно, никогда не закончится. И что его это вполне устраивает.

К вечеру крепость пала. Последний король был мёртв, его знамя сорвали с башни, а над воротами подняли знак Северина.

Семь королевств оказались под властью одного человека.

Однако победа не означала, что все подчинились.

Женщина, потерявшая мужа у ворот, увела двух детей через старый водосток. Раненый маг спрятался среди тел и выбрался ночью. Несколько защитников ушли в горы, унося с собой оружие и имена погибших. Именно такие люди позднее нашли Альдарина и присоединились к сопротивлению.

Северин узнал об этом не сразу. Он видел перед собой павшую крепость и считал, что теперь сможет наконец приступить к тому, ради чего начинал войну: перестроить Эриду, не спрашивая разрешения ни у Совета, ни у королей.

Но в каждом городе, который он покорил, оставались люди, помнившие, как жили до его прихода.

После падения последнего королевства Северин собрал приближённых в Чёрной башне — крепости, которую выбрал своей столицей.

Зал совета был широким и холодным. В дальнем конце на возвышении стоял огромный трон из тёмного камня. Он казался слишком большим даже для Северина, но тот сел на него без колебаний.

Келлан стоял справа от брата. Он выглядел измотанным, однако держался прямо. Келлан искренне верил, что война наконец закончилась и теперь Северин сможет исполнить обещания, ради которых они оба пошли на этот путь.

— Келлан, — сказал Северин, — армия остаётся под твоим командованием. Не допускай бессмысленных расправ. Но любой мятеж должен быть подавлен до того, как он разрастётся.

— Будет сделано, — ответил Келлан.

Рейван получил в управление земли, где сильнее всего была развита стихийная магия, и право командовать гарнизонами на востоке. Корв и Корва получили северные территории, где их жестокость и страх, который они внушали, должны были удерживать покорённые города от новых восстаний.

Силас сохранил Орц, порты и флот. Он должен был обеспечивать торговлю и следить, чтобы морские пути оставались открытыми для войск Северина.

Аббадон остался рядом с Северином — не ради отдельного трона, а потому, что правитель доверял ему больше всех. Он стал главным советником по военным вопросам и личной защитой Северина. А также управлял тюрьмами, в которых содержали всех, кто пытался пойти против.

Амайе поручили сеть ищеек — магов, чьи мысли и поступки она могла направлять или проверять. Они должны были находить заговорщиков, беглых магов и тех, кто помогал сопротивлению.

Никто не спорил с распределением власти. Не потому, что каждый был полностью доволен, а потому, что никто в этом зале не сомневался, кто теперь принимает решения.

Через несколько дней Северин приказал разыскать Альдарина.

В тот момент целитель находился в доме старого лекаря на окраине города. Они лечили раненых и укрывали тех, кому было опасно оставаться на виду. Когда в дверь постучали, хозяин успел только подняться со стула, прежде чем внутрь вошли двое солдат.

Они не стали обыскивать комнаты и не тронули людей, которых прятали в подвале. Один из солдат сообщил, что Северин желает видеть Альдарина.

Тот мог попытаться бежать. Возможно, даже сумел бы уйти через задний двор. Но тогда солдаты обыскали бы дом, и люди, которых он лечил, заплатили бы за его отказ.

Альдарин пошёл с ними.

Чёрная башня пахла холодным камнем и дымом. По коридорам ходили слуги и стражники, стараясь не смотреть друг другу в глаза. Альдарина провели в тронный зал, где Северин сидел один. Он отпустил охрану движением руки.

— Альдарин, — сказал он. — Я рад, что ты жив.

— Не уверен, что это чувство взаимно.

Северин не улыбнулся, но и не рассердился.

— Я мог приказать искать тебя по всем королевствам. Не сделал этого. Теперь мне нужно, чтобы ты ответил на один вопрос.

Альдарин промолчал.

— Что именно сказала Эсмира о ребёнке?

Вот чего хотел Северин. Он не знал ни имени девочки, ни её родителей. Эсмира не рассказала ему и о способе призвать человека из другого мира. Теперь он пытался выяснить границы пророчества — найти хоть одну подробность, которая позволила бы ему опередить будущее.

— Она говорила о том, что ты победишь, — ответил Альдарин. — И о том, что власть, которую ты собрал, не будет вечной.

— Это я уже знаю. Что ещё?

— Что однажды появится ребёнок, вокруг которого соберутся люди, не желающие тебе подчиняться.

Северин поднялся с трона.

— Где этот ребёнок?

— Я не знаю.

Это была не вся правда, но и не ложь. Альдарин не знал, где девочка родится, когда именно это случится и сумеет ли он найти её раньше ищеек.

Северин долго смотрел на него.

— Ты всегда был плохим лжецом, Альдарин.

— А ты всегда считал, что имеешь право на все ответы.

Северин отвернулся и прошёл несколько шагов по залу.

— Я не собираюсь убивать младенцев из-за слов прорицательницы, — сказал он наконец. — Но я не позволю вырастить против себя армию под видом пророчества. Если ребёнок появится, я должен знать об этом.

— Ты называешь это защитой мира?

— Я называю это предусмотрительностью.

Двери распахнулись. В зал вошли Рейван и близнецы. По их лицам Альдарин понял, что они давно ждали возможности поговорить с ним без свидетелей.

— Зачем он ещё здесь? — спросил Рейван. — Он поддерживает мятежников. Достаточно одного приказа.

Корв оскалился. Корва смотрела на Альдарина с любопытством, которое было хуже открытой ненависти.

— Он знает больше, чем говорит, — произнесла она. — Позволь нам выяснить, сколько.

— Нет, — отрезал Северин.

— Ты оставил его в живых после битвы, — сказал Рейван. — Но война закончилась. Он больше не нужен тебе.

— Я сам решу, кто мне нужен. Может, тебя что-то не устраивает, Рейван? — сказал он таким тоном, что Корв и Корва невольно подались назад.

Рейван сделал шаг вперёд, но Северин спустился с возвышения и встал между ними. В его голосе впервые за весь разговор прозвучала настоящая ярость.

— Альдарин уходит отсюда живым. Это не обсуждается. Кто тронет его без моего приказа, ответит передо мной лично. Я ясно выразился?

— Ясно, — испуганно ответил Рейван. Весь вид Северина внушал силу и страх.

Аббадон, до этого стоявший у колонны, чуть заметно кивнул. Он не вмешивался, пока Северин контролировал ситуацию, но при необходимости первым преградил бы путь любому, кто осмелился бы ослушаться.

Альдарин посмотрел на Северина.

— Ты разрушил Совет. Поставил королевства на колени. И теперь хочешь, чтобы я поверил, будто всё это было ради общего блага.

На лице Северина что-то изменилось. На короткий миг он выглядел не правителем, а человеком, которому напомнили о цене его решений.

— Твой отец жив. Я не тронул его. И не трону тебя, — сказал он. — Не потому, что он согласился со мной. Не потому, что он перестал быть опасен. А потому, что я уважаю тебя. И потому, что не хотел, чтобы ты потерял его так же, как я потерял своих.

Альдарин молчал.

— Я знаю, что ты мне не поверишь, — продолжил Северин. — Я не хочу смерти никому из тех, кто просто не согласен со мной. Я хочу, чтобы они увидели, что я строю. И чтобы однажды поняли, что я был прав.

— А если они не поймут?

— Тогда они будут жить под моими законами. Но не в тюрьмах. Не в цепях. Просто… под моей властью.

— Ты не видишь разницы между согласием и страхом.

— А ты не видишь, что иногда страх удерживает мир от нового распада.

Они долго смотрели друг на друга.

Альдарин знал, что когда-то Северин действительно хотел исправить несправедливость. Он не притворялся тогда — и, возможно, даже теперь часть его верила в собственные слова. Но ради своего представления о порядке Северин был готов отнять у людей право выбирать.

— Я не прощу тебя, — сказал Альдарин. — За тех, кто остался в тюрьмах. За тех, кто погиб. За тех, кто теперь боится поднять голову.

— Я и не прошу. Я пригласил тебя для того, чтобы ты возглавил одну из школ. И управлял ей как ты пожелаешь.

— Зачем тебе это? — неуверенно спросил Альдарин. — Я же не согласен с тобой. Мы не союзники.

— Именно поэтому я и хочу, чтоб ты увидел: я не злодей.

Северин приказал проводить его за пределы башни. Рейван и близнецы смотрели ему вслед с плохо скрываемым раздражением, но никто не посмел задержать его.

Снаружи город жил под новыми знамёнами. На площадях зачитывали указы, у ворот проверяли документы, а магов просили назвать свой дар и место обучения. Люди пытались вернуться к работе. Кто-то радовался, что больше не слышно боевых рогов. Кто-то молча обходил места, где ещё недавно стояли баррикады.

Альдарин не мог вернуться к прежней жизни. Совет уничтожен, а те, кто не принял власть Северина, нуждались в помощи. И он решил согласиться возглавить одну из школ.

Он стал искать их — сначала по одному, потом небольшими группами. Они укрывали раненых, переносили книги… Но теперь у него было прикрытие. Школа. Он мог помогать им, не скрываясь в пещерах.

Они не называли себя армией. У них не было ни общего знамени, ни крепости, ни достаточного числа воинов. Были только люди, которые не хотели отдавать Северину всё — даже собственную память о свободе.

Постепенно они нашли убежища в пещерах и заброшенных шахтах, где магические поиски давали сбой из-за старых пород и запутанных потоков силы. Оттуда Альдарин отправлял связных, узнавал, что происходит в королевствах, и собирал сведения о приказах Северина.

Они избегали крупных столкновений. Пока у сопротивления не было возможности победить, важнее было выжить и сохранить людей.

Северин тем временем укреплял власть. Он назначил приближённых правителями покорённых земель и потребовал от них клятвы верности. Келлан командовал армией и пытался удерживать солдат от лишней жестокости. Аббадон оставался рядом с Северином. Рейван и близнецы подавляли восстания. Амайя создавала сеть ищеек: тех, кто мог читать следы мыслей, выведывать тайны и замечать малейшие признаки подготовки к мятежу.

Самым тревожным приказом стало требование сообщать о каждом необычном ребёнке, родившемся после окончания войны.

Северин не знал, кто родители девочки из пророчества, но знал, что она появится. Он велел проверять семьи, где обнаруживались редкие магические способности, а ищейки начали расспрашивать целителей и повитух.

Глава 8 Тайна Силаса

Силас встретил Илму в тот год, когда Северин начал войну. Он не участвовал в сражениях на суше — его война была на море. И это дало ему время встретить её. Она не была

похожа на тех людей, с которыми он привык заключать сделки. Не пыталась ему льстить. Не боялась спорить. И не принимала его обещания на веру. Сначала Силас считал её неудобной. Потом стал искать поводы поговорить с ней снова.

Постепенно он привязался к ней сильнее, чем собирался. И впервые за долгое время задумался не о том, как сохранить власть, а о том, ради кого она вообще нужна.

Когда Илма сказала ему, что ждёт ребёнка, Силас долго не находил слов. Радость пришла не сразу. За ней последовал страх — не перед отцовством, а перед тем, что теперь у него появилось нечто, чего он не сможет защитить одной хитростью или выгодной сделкой.

После окончательной победы Северина девочка родилась в Орце, в доме, где окна выходили на гавань.

Ночь была тихой. Ветер почти не двигал паруса, а багровое солнце медленно опускалось за линию воды, оставляя на волнах тёмно-красную дорожку.

Повитуха сказала, что ребёнок здоров. Илма, усталая и бледная, прижала дочь к груди и улыбнулась. Силас стоял рядом и смотрел на маленькое лицо, не зная, что сказать. Он привык торговаться за всё, что считал важным, но теперь впервые понял, что никакой сделки не существует, которая могла бы гарантировать безопасность этого ребёнка.

— Диана, — тихо сказала Илма.

Силас повторил имя, словно проверяя, подходит ли оно дочери. Девочка пошевелила пальцами и снова уснула.

В тот же день к Силасу пришёл посланник из столицы.

В письме требовали сообщить о рождении ребёнка и ждать проверки ищеек.

Силас прочитал приказ один раз, затем второй. Он вспомнил слова Альдарина, которые прежде считал выдумкой, и понял, что пророчество уже коснулось его дома.

Он не стал рассказывать Илме всё сразу. Сначала велел запереть ворота, отослал слуг, которым не доверял, и позвал старого капитана, много лет служившего его семье.

Той же ночью Силас перенёс Диану в потайную комнату за кладовой, а утром объявил, что дочь родилась слабой и умерла вскоре после появления на свет. Илма согласилась хранить тайну, хотя знала, что ложь не спасёт их навсегда.

Силас отправил в столицу ложные сведения и приказал своим людям следить за теми, кто задавал вопросы о младенцах.

Он не знал, где именно скрывается Альдарин, но знал людей, которые могли его найти. Он отправил Кару с письмом к старому лекарю на юге, который когда-то учился вместе с Альдарином. Через него Кара и вышла на след.

Кара была самым преданным человеком из тех, кто служил Силасу. Она знала о его прошлом больше, чем кто-либо. Знала, как он выбрался из тюрьмы, из которой не выходили даже самые ловкие преступники. Знала, скольким людям он солгал, чтобы спасти себя и своё королевство. И всё равно осталась. Не потому, что он платил ей больше других. А потому, что однажды он спас её от того, что было хуже смерти. С тех пор она служила ему не за деньги и не за страх. Она служила ему потому, что верила: даже в самом худшем человеке может остаться что-то хорошее. И Силас был для неё доказательством этого.

Кара нашла Альдарина в маленькой деревне на юге, где он лечил крестьян и старался не привлекать внимания.

Она дождалась, пока он закончит перевязывать руку старому рыбаку, и только потом подошла.

— Вы Альдарин?

— Да. А ты кто?

— Меня прислал король Силас. Он просит вас приехать в Орц. Ситуация изменилась.

Альдарин не стал спрашивать, что именно изменилось. Он уже знал.

В Орце Силас встретил его в доме неподалёку от гавани. Он выглядел уставшим, но держался прямо. Привычная насмешливость исчезла с его лица.

— Вы приехали, — сказал он.

— Кара передала, что тебе нужна помощь.

— Мне нужно, чтобы моя дочь выросла. Всё остальное можно пережить.

Он рассказал, как объявил о смерти ребёнка. Поддельные записи, свидетельства повитухи, соболезнования горожан — всё было устроено так, чтобы никто не задавал лишних вопросов. Нескольким людям пришлось доверить правду, и Силас понимал, что каждый из них рискует жизнью.

— Я не хочу, чтобы Диана стала знаменем сопротивления, — сказал он. — Не хочу, чтобы её жизнь определяли чужие слова. Но если она останется здесь, Северин однажды найдёт её.

Альдарин помолчал.

— Ты готов отдать её?

Силас не ответил сразу. Он посмотрел в сторону соседней комнаты, где Илма держала дочь. Затем медленно кивнул.

— Я не знаю, что будет дальше. Но я знаю, что здесь она не будет в безопасности.

— Я не могу обещать, что школа будет полностью безопасна, — ответил Альдарин. — Но там у неё будет больше шансов вырасти и научиться управлять своим даром.

Силас долго смотрел на него, затем открыл дверь в соседнюю комнату.

Илма сидела у окна и держала дочь на руках. Она выглядела измученной бессонными ночами, но, когда Альдарин приблизился, не отступила.

Девочка спала. Никакого необычного свечения или знака на её коже не было. Только слабое движение магии разума, которое опытный целитель мог почувствовать, находясь рядом.

Альдарин не увидел в ней готового оружия против Северина. Перед ним был ребёнок, которому предстояло вырасти в мире, где её имя могло стать приговором.

— Я буду учить её, — сказал он. — Но не стану рассказывать ей о пророчестве, пока она не сможет понять, что оно означает. И я не позволю никому обращаться с ней как с вещью, которую нужно сохранить ради будущей победы.

— Даже если она сама захочет узнать правду? — спросила Илма.

Альдарин не сразу ответил.

— Тогда я должен буду объяснить ей то, что знаю. Но пока ей нужно детство.

Силас наклонился над дочерью и осторожно коснулся её руки. Он не стал говорить о том, как сильно будет скучать, и не попросил обещать невозможное. Вместо этого передал Альдарину небольшой свёрток с одеждой и игрушкой, которую выбрала Илма.

— Мы будем приезжать, когда сможем, — сказал он. — Но, если наши визиты поставят её под угрозу, мы прекратим их. Пусть лучше она думает, что мы далеко, чем однажды увидит, как нас забирают.

— И Кара поедет с вами, — добавил он. — Она персонально отвечает за девочку.

Кара не владела магией. Но она научилась не думать о том, что важно. Она делала это так, как делают люди, которые годами живут в страхе: она представляла стену. Глухую, каменную стену. И повторяла про себя простые слова, которые ничего не значили. Ищейки Амайи читали мысли, но они не могли прочитать то, чего не было. Кара умела прятать свой разум за этой стеной. И она научила этому Диану.

На рассвете Альдарин и Кара увезли Диану в школу.

Чтобы не подвергать её опасности, Альдарин не рассказывал ученикам о её происхождении. Для всех она стала дальней родственницей Альдарина, чьи родители погибли во время войны.

Диана знала, что это ложь. Альдарин сказал ей правду: её родители живы, но они далеко и не могут её забрать. Он попросил её никому об этом не рассказывать. Диана согласилась. Она не понимала, почему это нужно скрывать, но доверяла Альдарину.

Силас и Илма навещали дочь тайно, меняя маршруты и время приезда. Для Дианы они были «дядей» и «тётей», которые иногда приезжают. Она не знала, что они — её родители. Каждый раз, когда они уезжали, она спрашивала, почему не может поехать с ними. Альдарин отвечал, что так нужно. Что однажды она всё поймёт. Но она не понимала. И с каждым годом этот вопрос становился всё труднее.

В школе о визитах знали лишь несколько человек, которым Альдарин доверял.

Пророчество Эсмиры не обещало лёгкой победы. Оно лишь указывало, что однажды вокруг Дианы соберутся люди, готовые выступить против Северина. Всё остальное зависело от решений, которые ей ещё предстояло принять.

Глава 9 Ложь Альдарина

Диана росла в школе Альдарина и постепенно перестала считать её временным пристанищем. Здесь были уроки, тренировки, споры с наставниками и друзья, с которыми можно было забыть о том, что за пределами школьных стен миром правил Северин.

Ближе всего она сошлась с Марой, Гардом, Тонином и Лиамом.

Мара умела сохранять спокойствие даже тогда, когда остальные теряли терпение. Она изучала целительство и часто задерживалась в лечебнице, помогая Альдарину. Гард, владевший магией земли, был сдержанным и практичным. Его брат Тонин управлял молниями и редко упускал возможность пошутить, даже если шутка раздражала окружающих. Лиам учился боевой магии. Он не был самым сильным учеником, зато всегда старался оказаться рядом, когда Диане требовалась помощь.

В свободное время друзья тренировались во дворе, спорили о будущем и обсуждали, что изменилось в Эриде после победы Северина.

— Если он и дальше будет назначать правителями только своих друзей, скоро королевства превратятся в семейное дело, — заметил однажды Тонин.

— Они и так превратились, — ответил Гард. — Разница в том, что теперь это семейное дело одного человека.

— Зато дороги стали безопаснее, — возразила Мара. — По крайней мере, так говорят торговцы, которые приезжают к нам.

— Безопаснее для тех, кто не задаёт вопросов, — сказал Лиам.

Диана слушала их, не вмешиваясь. Ей не нравилось, когда разговоры о Северине заканчивались спором, будто любой человек обязан был выбрать одну сторону и защищать её до конца.

Она знала о войне из рассказов Альдарина и уроков истории. Но ей никогда не рассказывали, почему собственная жизнь была устроена иначе, чем у других учеников. Люди, которых она называла «дядей» и «тётей», приезжали редко, и каждый их визит сопровождался осторожностью, недоговорённостями и обещаниями, что однажды всё станет понятнее.

Чем старше становилась Диана, тем труднее ей было принимать эти ответы. К двадцати годам её магия разума заметно усилилась. Она научилась чувствовать чужие эмоции, улавливать намерения и защищать собственное сознание от постороннего вмешательства. Однако способности развивались неравномерно. Иногда ей удавалось заметить ложь прежде, чем собеседник заканчивал фразу; в другие дни она не могла понять даже простого эмоционального отклика. Альдарин учил её не считать магию безошибочным источником истины. Чувство страха не всегда означало обман, а чужая мысль могла оказаться мимолётной и не отражать настоящего намерения.

— Магия разума даёт тебе возможность услышать то, что человек не произносит, — объяснял он. — Но она не даёт права решать за него, что он думает на самом деле.

Диана запомнила эти слова, хотя не всегда понимала, как применять их на практике.

В последние месяцы Альдарин всё чаще выглядел озабоченным. Он проверял старые записи, разговаривал с приезжавшими целителями и расспрашивал торговцев о происходящем в королевствах. Иногда он упоминал, что одарённых детей рождается меньше, чем прежде.

— Может, после войны люди просто не замечают этого? — предположила однажды Диана.

— Возможно, — ответил Альдарин. — Но я не хочу принимать удобное объяснение, пока не узнаю больше.

Он не связывал уменьшение числа магов с каким-то одним событием. Извлечение магии у взрослых одарённых, которым занимался Северин, не объясняло, почему всё меньше детей рождались с даром. Это оставалось отдельной загадкой.

Диана заметила, что Альдарин всё чаще замолкает, когда она спрашивает о будущем. В конце концов она решила больше не ждать, пока он сам заговорит.

Она нашла его в библиотеке, где он разбирал старые пергаменты.

— Мне нужно знать правду.

Альдарин поднял голову.

— О чём именно?

— О моих родителях. О том, почему они приезжают тайком. Почему ты никогда не разрешал мне жить с ними. И почему каждый раз, когда я спрашиваю о своём прошлом, ты отвечаешь, что ещё не время.

Он отложил пергамент. По её голосу было ясно, что на этот раз отговориться не получится.

— Хорошо, — сказал он. — Я расскажу тебе то, что должен был рассказать раньше.

Диана села напротив.

— Твои родители — Силас и Илма, правители Орца. Ты их дочь. Когда ты родилась, они объявили, что ребёнок умер, чтобы защитить тебя от Северина и Амайи.

Диана долго молчала.

— Значит, я принцесса Орца.

— Да.

Альдарин решил рассказать Диане о пророчестве. Он объяснил, что в день рождения Дианы её магия проявилась достаточно рано, чтобы вызвать тревогу. Силас испугался, что Амайя найдёт девочку и сообщит Северину. Тогда родители решили скрыть её существование и доверить воспитание человеку, которому могли доверять хотя бы настолько, чтобы рискнуть.

— Я понимал, что ты однажды рассердишься на меня, — сказал Альдарин. — Но боялся, что, узнав правду слишком рано, ты не будешь готова. Я хотел, чтобы у тебя было время научиться защищать себя.

— Ты хотел решить за меня, что я могу знать.

— Да. И это было ошибкой, даже если я считал, что поступаю правильно.

Признание застало Диану врасплох. Она ожидала оправданий, но не того, что Альдарин прямо признает свою вину.

— Почему ты рассказал мне сейчас?

— Потому что скоро тебе исполнится двадцать лет. И нам придётся вернуться в Орц.

— Почему именно в двадцать?

Альдарин посмотрел на неё. Он помнил пергамент Эсмиры и заклинание, которое хранил все эти годы. Но раскрывать его содержание пока не собирался. Диана должна была узнать правду о происхождении и получить возможность поговорить с родителями прежде, чем перед ней встанет следующий выбор.

— В этот день должно исполниться ещё одно предсказание, — ответил он. — Я пока не могу рассказать все подробности. Но обещаю, что больше не стану скрывать от тебя то, что касается твоего происхождения.

Диана поднялась и подошла к окну. Во дворе Тонин что-то доказывал Гарду, Мара смеялась, а Лиам стоял рядом, время от времени поглядывая на башню.

— А если я не хочу быть той, кем меня считает? — спросила Диана.

— Тогда тебе придётся решить, кем ты хочешь быть сама. Пророчество может указать дорогу, но оно не должно выбирать за тебя каждый шаг.

Она повернулась к нему.

— Я хочу поговорить с родителями. По-настоящему. Хочу услышать от них, почему они решили, что мне лучше расти без них.

— Ты имеешь на это право.

— И я хочу сама решить, что делать с пророчеством.

— Это тоже твоё право.

Диана кивнула, но облегчения не почувствовала. Правда не ответила на все вопросы — она лишь открыла новые. Ей предстояло встретиться с родителями и узнать, почему её детство стало частью чужого плана.

Амайя не забывала об Альдарине.

Когда-то она училась у него и знала его привычки. Старый целитель не любил вмешиваться в политику открыто, но и бездействовать, если считал кого-то в опасности, не умел. После победы Северина он возглавил одну из школ и продолжил обучать магов. Со стороны казалось, что Альдарин смирился с новым порядком. Но Северин дал указание Амайе следить за ним и за детьми, которые могут быть именно из пророчества.

Амайя не верила, что всё так просто. Один из её людей уже несколько месяцев наблюдал за школой. Сначала ничего подозрительного не происходило. Ученики посещали занятия, наставники занимались своими делами, а Альдарин почти не покидал территорию школы.

Затем шпион заметил, что к одной из учениц регулярно приезжают гости. Девушка жила там давно и, судя по всему, пользовалась особым расположением целителя. Но однажды в школу прибыли Силас и Илма.

Шпион узнал правителей Орца. Они провели с девушкой несколько часов и перед отъездом обняли её с такой нежностью, что наблюдатель запомнил этот момент лучше всего остального. Амайя выслушала доклад и не стала делать поспешных выводов.

Силас был осторожным человеком. Он не стал бы тайно навещать ученицу Альдарина без веской причины.

— Продолжай наблюдение, — распорядилась она. — Не приближайся к ней и не пытайся вступать с ней в разговор. Я сама разберусь.

Через несколько дней Амайя приехала в школу.

Альдарин встретил её в кабинете. Он не показал удивления, хотя визит бывшей ученицы его насторожил.

— Давно не виделись, — сказал он.

— Ты не слишком рад меня видеть.

— Я рад видеть своих учеников. Но обычно они предупреждают о приезде.

— Значит, я всё ещё твоя ученица?

— Я не отказываюсь от тех, кого учил. Даже если они выбирают другую дорогу.

Амайя едва заметно улыбнулась. Когда-то ей нравилось, что Альдарин не боялся спорить с ней. Теперь та же привычка раздражала.

— Ты всегда умел отвечать так, чтобы ничего не сказать.

— А ты всегда умела задавать вопросы, на которые не обязаны отвечать.

Их разговор прервал стук в дверь. В кабинет вошла Диана с книгами в руках.

— Прости, я не знала, что ты занят, — сказала она Альдарину.

— Ничего страшного. Я скоро освобожусь.

Диана уже собиралась уйти, когда Амайя внимательно посмотрела на неё.

Девушка была молода, держалась уверенно и не проявляла обычного для учеников волнения перед незнакомым магом. Амайя почувствовала любопытство. Она привыкла улавливать поверхностные мысли людей почти без усилий и решила осторожно проверить, о чём думает девушка.

Но её магия не проникла в сознание Дианы.

Амайя попробовала ещё раз, чуть сильнее. Вместо привычного отклика она ощутила сопротивление — не как закрытую дверь, которую можно открыть настойчивостью, а как границу, за которой её сила теряла направление.

Диана нахмурилась и отступила на шаг.

— Не делайте этого, — сказала она.

Амайя немедленно прекратила попытку. Она не ожидала, что девушка почувствует вмешательство так быстро.

— Кто ты такая? — спросила она. — И сколько тебе лет?

Диана посмотрела на Альдарина. Он едва заметно покачал головой.

— Она моя ученица, — ответил он.

— Это я уже поняла. Я спрашиваю, кто она.

— А я отвечаю: моя ученица.

Амайя снова посмотрела на Диану.

— Я не могу проникнуть в её разум. Ты понимаешь, что это значит? У неё необычайные способности, а ты скрываешь её здесь, не сообщая об этом никому.

— Я не обязан докладывать тебе о каждом человеке, который учится в моей школе.

— Только о тех, кто может представлять интерес для Северина.

— Тогда поговори с ним. Но в моей школе ты не имеешь права вторгаться в сознание учеников без разрешения.

Взгляд Амайи стал холоднее. Она не привыкла, чтобы ей отказывали, особенно когда речь шла о безопасности Северина. Но Альдарин не повышал голос и не пытался оправдываться. Он просто обозначил границу, которую не собирался уступать.

— Ты отказываешься сотрудничать?

— Я отказываюсь позволять тебе делать то, что ты только что попыталась сделать.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Хорошо, — сказала Амайя. — Тогда я спрошу того, кто имеет право решать.

— Подумай, прежде чем втягивать в это Северина, — предупредил Альдарин.

— Именно об этом я и собираюсь подумать.

Она вышла, не добившись большего.

Когда дверь закрылась, Диана поставила книги на стол.

— Что это было? Она пыталась прочитать мои мысли?

— Да, — ответил Альдарин.

— Но не смогла.

— Не смогла.

Диана посмотрела на свои ладони. Она знала, что умеет защищать разум во время тренировок, но прежде никто не пытался проникнуть в него с такой силой.

— Я даже не поняла, как это сделала.

— Тебе не обязательно понимать всё сразу. Но теперь Амайя знает, что ты необычная девушка. Она может вернуться с другими вопросами.

— Она расскажет Северину?

Альдарин не стал обнадёживать её.

— Скорее всего. Но пока она не знает, кто ты.

Диана побледнела. До этой встречи Северин оставался для неё далёким правителем, человеком из историй о войне. Теперь его власть добралась до самой школы.

— Если она догадается, кто мои родители…

— Тогда нам придётся уйти раньше, чем мы планировали.

Вскоре в кабинет заглянули Кара, Мара, Гард, Тонин и Лиам. Кара стояла у двери. Она не вмешивалась, но Диана чувствовала её присутствие. Кара была рядом с ней с самого детства. Она учила её прятать разум. И она была готова защитить её от всего. Даже от самой правды.

Друзья заметили, что Диана встревожена, и не стали делать вид, будто ничего не произошло.

— Мы слышали имя Северина, — сказал Тонин. — И что-то про то, что нам придётся уйти. Я бы предпочёл узнать, что происходит, прежде чем собирать вещи.

— Тонин, — предупредил Гард.

— Что? Если нас собираются куда-то отправить, я имею право знать, почему.

Диана посмотрела на друзей. Ей хотелось попросить их не вмешиваться, но она понимала, что это будет нечестно. Если опасность действительно приближалась, они заслуживали того, чтобы узнать хотя бы часть правды.

— Я не просто ученица Альдарина, — сказала она. — Мои родители — Силас и Илма, правители Орца. Меня скрывали от Северина, потому что существует пророчество. По нему я однажды должна помочь людям выступить против него.

Мара первой нарушила тишину.

— Поэтому они приезжали тайком?

Диана кивнула.

— Амайя теперь может заподозрить, кто я. Я не знаю, что она сообщит Северину, но, если он узнает правду, мне придётся уйти из школы.

Лиам шагнул ближе.

— Тогда мы пойдём с тобой.

— Ты даже не знаешь, куда я собираюсь, — ответила Диана.

— Это не имеет значения.

Гард нахмурился, обдумывая последствия.

— Если за тобой действительно начнут охотиться, идти всем вместе опасно. Нам нужно знать маршрут и подготовиться.

— А ещё нужно решить, что делать, если нас догонят, — добавила Мара.

Тонин попытался улыбнуться:

— Я голосую за то, чтобы нас не догоняли. План простой и, на мой взгляд, прекрасный.

На этот раз Диана улыбнулась, хотя тревога не исчезла.

— Я не хочу, чтобы вы рисковали ради пророчества.

— Мы рискуем не ради пророчества, — сказал Гард. — Мы рискуем ради тебя. Это разные вещи.

Диана посмотрела на каждого из них. Впервые за весь день она почувствовала, что может рассказать правду и не потерять всё, что у неё было. Но теперь тайна перестала принадлежать только ей и Альдарину. Амайя знала, что в школе есть девушка с необычной защитой разума, и могла в любой момент передать сведения Северину.

Время, которое Альдарин пытался выиграть для Дианы, заканчивалось. К вечеру стало ясно, что оставаться на месте опасно. Друзья собрали необходимые вещи и договорились выступить ночью. Если дорога не преподнесёт новых неприятностей, к рассвету они должны были оказаться в Орце.

Амайя приехала в столицу через два дня.

Северин изучал донесения в тронном зале, когда она вошла. Рядом стоял его старший брат Келлан, командовавший значительной частью армии. Аббадон, сильнейший из демонических магов, ждал у окна. Он редко вмешивался в обсуждения, если Северин не просил его высказаться.

— Что случилось? — спросил Северин, заметив выражение лица Амайи.

— В школе Альдарина есть девушка, о которой мне нужно доложить. Я попыталась прочитать её мысли, но не смогла проникнуть в сознание. Она почувствовала вмешательство и потребовала, чтобы я прекратила.

Северин отложил бумаги.

— Как её зовут?

— Диана. Других сведений у меня пока нет. Я не знаю, кто её родители, но Силас и Илма тайно навещали её.

Келлан нахмурился.

— Это ещё не доказывает, что девушка связана с пророчеством. Силас мог скрывать семейные обстоятельства по другим причинам.

— Возможно, — ответила Амайя. — Но он слишком осторожен, чтобы рисковать тайными поездками без причины. А Альдарин не захотел отвечать на мои вопросы.

Северин поднялся. Имя Альдарина раздражало его сильнее, чем он хотел показывать. Старый целитель знал слишком много о времени до войны и никогда не признавал новый порядок своим, даже если внешне подчинялся ему.

— Ты сказала, что не смогла прочитать её разум?

— Да.

— И она заметила попытку?

— Почти сразу.

Северин обошёл стол и остановился перед Амайей.

— Ты понимаешь, что это может означать?

— Я понимаю, что у неё необычные способности. Но пока не могу утверждать, что она та самая девочка.

— А если она и есть? Если Альдарин все эти годы прятал ребёнка, о котором говорила Эсмира?

Келлан вмешался прежде, чем брат успел продолжить.

— Тогда нам нужны доказательства. Если мы начнём действовать только на основании подозрений, то сами создадим врагов там, где их могло не быть.

Северин резко повернулся к нему.

— Ты предлагаешь ждать, пока девочка вырастет и соберёт вокруг себя сопротивление?

— Я предлагаю выяснить, кто она, прежде чем объявлять Альдарина предателем. Он может что-то скрывать, но это не значит, что он готовит войну.

Северин сжал челюсть. Он не любил, когда Келлан сомневался в его решениях, хотя знал, что брат не пытается оспорить его власть. Келлан поддерживал его с начала войны и искренне верил, что новый порядок может сделать Эриду сильнее. Именно поэтому его возражения иногда действовали на Северина сильнее, чем открытое неповиновение.

— Хорошо, — сказал Северин после паузы. — Пока не трогать девушку. Узнайте, кто её родители, кто навещал её и что именно скрывает Альдарин. Я хочу знать всё, прежде чем принимать решение. Хотя пригласи Альдарина ко мне — хочу с ним поговорить. Столько лет прошло, я его давно не видел.

Амайя склонила голову.

— Я продолжу наблюдение. И сообщу Альдарину, чтоб он явился к тебе.

— И ещё, — добавил Северин. — Не пытайся захватить её разум силой. Если она действительно связана с пророчеством, она нужна мне живой и способной говорить.

— Поняла.

Амайя вышла, а Северин снова подошёл к столу. На нём лежали отчёты о рождении одарённых детей в разных королевствах. За последние годы их число уменьшалось. Сначала это казалось случайностью, но теперь различие становилось слишком заметным, чтобы игнорировать его.

— Что с данными о магически одарённых? — спросил он.

— Целители подтверждают сокращение числа детей с выраженным даром, — ответил Келлан. — Но причины пока неясны. В некоторых регионах число рождений снизилось, в других дети рождаются без способностей, хотя родители — маги.

Северин провёл пальцем по отчёту.

— Значит, нужно расширить исследования. Дать целителям доступ к записям и направить их в те области, где изменения заметнее всего.

— Это разумно, — согласился Келлан. — Но, если ты потребуешь от них немедленного результата, они начнут скрывать ошибки.

Северин посмотрел на брата.

— Я не собираюсь мешать им работать. Я хочу понять, что происходит с магией в моём королевстве.

Келлан кивнул. В этом Северин по-прежнему напоминал ему человека, за которым он когда-то пошёл: умного, решительного и убеждённого, что старый порядок можно исправить. Но Келлан всё чаще замечал, как быстро брат переходил от желания разобраться к стремлению всё контролировать.

— Я займусь армейскими отчётами и распоряжусь, чтобы на дорогах не мешали целителям, — сказал он. — Но прошу тебя: не превращай каждую проблему в повод для новых ограничений.

— Я услышал тебя.

Келлан не стал спорить дальше.

Тем временем Альдарин понял, что ждать больше нельзя. После визита Амайи школа перестала быть надёжным укрытием. Если она вернётся с приказом Северина, у них может не оказаться времени даже собрать вещи.

Вечером он позвал Диану и её друзей в старое помещение под лечебницей. За одним из шкафов скрывался узкий проход, о котором знали немногие. Он вёл за пределы школьной территории и выходил к тропе, которой пользовались ещё до войны.

— Вы уйдёте сегодня ночью, — сказал Альдарин. — Сначала доберётесь до Орца. Там Диана сможет увидеть родителей, а я задержу Амайю. Скорее всего, меня вызовет Северин, и мне надо ещё кое-что успеть сделать до твоего двадцатилетия.

— Ты снова говоришь загадками, и я не хочу, чтоб ты оставался, а если они тебя убьют, — заметила Диана.

— Я знаю. И обещаю объяснить больше, когда мы снова встретимся. Но сейчас времени мало. И никто меня не убьёт.

— А если люди Северина уже следят за дорогами? — спросил Гард.

— Поэтому вы не пойдёте по главным дорогам. Кара знает маршрут. Она проведёт вас.

Лиам поправил ремень сумки.

— А если нас всё-таки найдут?

— Тогда не вступайте в бой, если сможете уйти. Вам нужно добраться до Орца, а не доказать, что вы сильнее каждого патруля.

Тонин посмотрел на Гарда.

— Слышал? Наконец-то план, в котором не требуется победить всех подряд.

— Постарайся хотя бы один раз ему следовать, — ответил Гард.

Мара проверила сумку с лечебными принадлежностями. Диана стояла чуть в стороне, пытаясь привыкнуть к мысли, что покидает школу не на время каникул и не ради обычного путешествия.

— А что будет, когда мне исполнится двадцать? — спросила она.

Альдарин посмотрел на неё.

— Потом обещаю, я расскажу всё, но сейчас нет времени.

Диана задумалась.

— Значит, всё зависит не только от меня.

— Да. Пророчество говорит о сопротивлении, но не обещает, что кто-то один спасёт Эриду за всех остальных.

Эти слова немного успокоили её. По крайней мере, Альдарин больше не говорил так, будто её судьба уже решена.

Ночью группа покинула школу через тайный проход. Они двигались без факелов. На рассвете, когда школа осталась далеко позади, никто уже не сомневался, что возвращение к прежней жизни будет непростым.

Амайя пришла к Альдарину. Рассказала ему, что его хочет видеть Северин. Прибыв к Северину, Альдарин думал, что не успел произнести заклинание и что его скорее всего тут убьют. Северин был один — никого больше не было.

— Рад видеть тебя, Альдарин, давно не виделись. Как отец? — начал Северин.

— Меня практически заставили прийти к тебе. Не могу сказать, что был этому рад. Мой отец умер примерно через год, как ты его отпустил. Он так и не оправился от того, что ты с ним сделал.

— Мне искренне жаль. Как тебе Эрида под моим управлением? Ты всё ещё считаешь, что я всё разрушаю?

— Нет, честно, я думал, что всё будет иначе. Есть что мне нравится, но есть то, что я нахожу странным. Но ты меня сюда вызвал явно не интересоваться моим мнением.

— Почему? Твоё мнение я всегда уважал. Но ты прав, меня ещё кое-кто интересует. Что за ученица у тебя такая, которая защищается от магии разума?

— Она моя дальняя родственница. Очень талантливая и сильная. Очень талантливая и сильная.

— И сколько ей лет, и почему ты её от меня скрывал? Я хочу знать о всех талантливых детях.

— Прости, я не знал, что должен об этом докладывать. У меня их много, талантов.

— Не сомневаюсь. Я хочу с ней пообщаться, когда ты сможешь мне её представить.

— Не могу точно сказать — она уехала к родителям. У неё хорошие оценки, и я её отпустил к ним.

— А кто её родители, не скажешь мне?

— Это обычные люди. У них нет дара. Они живут на востоке от школы.

— Я очень надеюсь, что ты мне не врёшь, Альдарин. Хорошо, можешь идти. Но как только она вернётся, прошу вас прийти с ней ко мне.

— Хорошо, непременно.

Альдарин вышел от Северина довольный, потому что думал, что его уже ничего не спасёт. Теперь ему нужно было очень быстро выдвигаться — ведь Северин всё равно узнает, что ему солгали. Альдарин отправился к пустошам. Он знал, что времени у него почти не осталось. Северин поверил ему. Но ненадолго. И Альдарин должен был успеть до того, как ложь раскроется.

Глава 10 Человек из другого мира

К полудню дорога стала уже, а лес вокруг — гуще. Кара ждала их за пределами школьной территории. Она знала маршрут, которым пользовались ещё до войны. И она провела их так, что они не встретили ни одного патруля, выбирая путь, который обходил королевские заставы. Диана держалась рядом с Марой и Карой, Гард и Тонин прикрывали группу сзади, а Лиам то и дело оглядывался. По дороге они никого не встретили.

К Орцу они добрались на рассвете. Кара провела их к городским воротам, а затем по узким улицам — к старому зданию возле гавани. Оттуда путников повели через внутренний двор, вниз по лестнице и дальше по неприметному коридору.

За дверью их ждали Силас и Илма.

Илма первой бросилась к дочери и крепко обняла её. Силас подошёл следом. Он старался держаться спокойно, но, увидев Диану, не смог скрыть облегчения.

— Ты ранена?

— Нет. Мы все целы.

Позже, когда друзья Дианы ушли отдыхать, Силас и Илма остались с дочерью наедине.

— Альдарин должен был быть с тобой, — сказал Силас.

— Ему нужно исполнить заклинание Эсмиры.

Силас медленно кивнул.

— Значит, этот день настал.

— Вы знаете, что он собирается делать? — спросила Диана.

— Только то, что в твой двадцатый день рождения должен прийти человек из другого мира. Альдарин никогда не рассказывал подробностей.

— И вы всё это время знали?

— Мы знали о предсказании, но не о самом заклинании. Альдарин решил хранить его в тайне. Я не стал требовать объяснений, потому что доверял ему в вопросе твоей безопасности.

Диана опустила глаза. Она не любила, когда за неё решали, что ей нужно знать, но понимала, что родители тоже боялись за её жизнь.

Илма взяла дочь за руку.

— Что бы ни произошло сегодня, ты не будешь проходить через это одна.

Альдарин добрался до пустоши. Место было почти безжизненным: серая земля, редкие камни и сухие кусты. Здесь давно не селились люди, и на старых картах эта местность отмечалась лишь как бесплодный участок между королевствами.

Альдарин начертил на земле круг, расставил камни и развернул пергамент. Руки у него дрожали не от холода. Он слишком долго ждал этого дня, чтобы теперь притворяться спокойным.

Он не знал, кто услышит зов. Не знал, окажется ли этот человек магом, воином или обычным жителем чужого мира. Но помнил предупреждение Эсмиры: пришедший должен сам выбрать, войти ли в открытый проход. Заклинание не могло заменить его волю.

Альдарин встал в центре круга и начал читать.

Слова были древними. Некоторые он понимал лишь отчасти, но произносил их точно так, как велела Эсмира. Ветер усилился. Камни начали светиться, сначала едва заметно, затем всё ярче.

Земля под ногами задрожала.

В воздухе появилась тонкая трещина, словно кто-то провёл ножом по невидимой ткани. Она расширилась, и за ней проступил свет другого мира.

Альдарин почувствовал, как заклинание начинает действовать. Вместе с этим пришло ощущение незнакомой силы — не похожей на магию Эриды. Он не успел понять, что это означает.

Проход раскрылся.

И где-то далеко, в мире без двух солнц, человек, который ещё вчера считал свою жизнь пустой и бессмысленной, оказался перед дверью, которой не должно было существовать.

Даниилу было тридцать два года, и он ненавидел понедельники.

Работа в московском офисе давно превратилась в бесконечную череду одинаковых дней. Утренний кофе, дорога, совещания, чужие разговоры, отчёты, вечерняя пробка и усталость, которая не проходила даже после сна.

Когда Даниилу исполнилось восемнадцать, отец ушёл из семьи. Даниилу пришлось быстро повзрослеть: он помогал матери и заботился о младшей сестре Соне, которой тогда было тринадцать. Он привык не жаловаться и откладывать собственные желания на потом.

Сначала он говорил себе, что нужно помочь семье. Потом — что надо накопить денег. Затем появились новые счета и обязанности. Годы шли, а его собственная жизнь словно оставалась за закрытой дверью.

Однажды вечером Соня заметила, что брат снова вернулся домой поздно.

— Дань, ты вообще когда-нибудь отдыхаешь?

— На выходных.

— Ты и на выходных работаешь.

Он ничего не ответил. Сестра посмотрела на него внимательнее.

— Ты какой-то потерянный в последнее время. У тебя всё нормально?

— Просто устал, Сонь.

Он сказал это привычно, почти автоматически. Но позже, сидя в темноте своей комнаты, понял, что дело не только в усталости. Он больше не чувствовал, что куда-то движется.

На следующий день Даниил начал искать место, куда можно уехать хотя бы на несколько дней. Ему хотелось оказаться там, где ничто не напоминало бы о прежней жизни.

Так он наткнулся на статью о горе Воттоваара в Карелии. Древние камни, искривлённые деревья, туманы и легенды о необъяснимых явлениях заинтересовали его сильнее, чем он ожидал.

Через два дня он купил билет. Матери сказал, что собирается отдохнуть. Соня попросила не пропадать и заряжать телефон. Даниил пообещал, обнял сестру и отправился на вокзал.

До самой горы он добирался почти сутки. Последние километры прошёл пешком. Чем выше поднимался, тем гуще становился туман. Он стелился между камнями, цеплялся за корни деревьев и скрывал тропу позади.

Постепенно Даниил начал замечать странности. Исчезли звуки леса. Не стало слышно ни ветра, ни птиц, ни шороха животных. Даже собственные шаги звучали приглушённо, словно земля поглощала каждый звук.

Он достал телефон, чтобы проверить время, но экран мигнул и погас.

Впереди, среди тумана, возвышались древние камни. Между двумя валунами воздух дрожал, как над раскалённым асфальтом, хотя вокруг стоял холод.

Даниил остановился. Ему захотелось развернуться и уйти, но в глубине между камнями что-то изменилось. Туман медленно стекался к одной точке, словно невидимая воронка втягивала его внутрь.

Между валунами пробежала красноватая вспышка, затем синяя. Даниил почувствовал покалывание в пальцах. Он не понял, что это было, и списал ощущение на страх.

— Всё. Хватит. Пора домой, — пробормотал он.

Но прежде чем он успел уйти, пространство между камнями начало изгибаться. Внутри проступила темнота, в которой мелькали далёкие огни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.